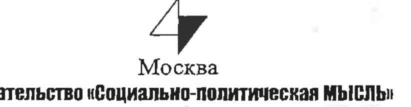
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ

ТРАГЕДИЯ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

национальный вопрос и распад Советского Союза

Ответственный редактор
академик Г.Н. СЕВОСТЬЯНОВ

Москва
Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ»
2005

УДК 93.94
ББК 63.3(2)
Т65

Т65 **Трагедия великой державы:** национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / Сост. С.М. Исхаков. — М.: Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ», 2005. — 600 с.

Основу сборника составляют доклады и материалы международной научной конференции, проведенной в Москве в сентябре 2004 г. при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 04–01–14044 г). Историки анализируют и оценивают взаимовлияние социальных, политических, экономических, национальных процессов в истории России на протяжении почти всего XX столетия, стремясь выяснить роль и место этнического фактора в развитии общества и показать влияние его на вызревание политического кризиса и распад многонационального государства. В статьях используется огромный комплекс архивных документов и материалов, вскрывающих причины многих проблем в межэтнических отношениях народов в Российской Федерации.

Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций с благодарностью воспримет и передаст авторам данного сборника замечания и пожелания, которые последуют от читателей на адрес: **rusrevref@mail.ru**

ISBN 5–902168–41–4

Научное издание

Оригинал-макет и обложка подготовлены *А.В. Воробьевым* Корректор *Е.В. Феоктистова*

Сдано в набор 16.05.2005. Подписано в печать 30.05.2005. Формат 60x88/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл.-печ. л. 37,5. Уч.-изд. л. 40,12.
Тираж 2 000 экз. (1-й завод 1 000). Заказ № 1145.

Издательство «Социально-политическая МЫСЛЬ». 7720376@mail.ru
141200, Московская область, г. Пушкино, Московский проспект, дом 55. **Тел. 772–03–76**
Отпечатано в ООО Фирма «Пандора–1». 107143. г. Москва, Открытое шоссе, д. 15.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

В сентябре 2004 г. в Москве состоялась международная научная конференция, которая была посвящена обсуждению этноконфессиональных проблем в истории России в начале XX века, рассмотрению влияния этнических факторов интеграции советского общества, анализу причин распада великой державы — Советского Союза. Этот феномен имел глубокие последствия и приобрел геополитический характер. Его эхо откликнулось за пределами России. Поэтому многие спрашивают: почему и как это произошло, каковы были причины, кто повинен, возможно ли было это предотвратить, предвидели ли руководители такое развитие исторических событий и их последствия, какие факторы оказали определяющее и наибольшее воздействие. Все эти необычайно сложные и волнующие вопросы в значительной степени адресованы историкам. И их долг постараться провести научно-объективный анализ случившегося и ответить на все волнующие вопросы.

Ради справедливости необходимо констатировать, что ученые уже провели значительную работу в этом направлении, издавая книги и специальные монографии, публикуя научные статьи, проводя конференции, симпозиумы и «круглые столы». За рубежом этим проблемам уделяется также большое внимание. Между учеными происходят споры и дискуссии, поскольку нет единого мнения по кардинальным научным проблемам. Участники московской конференции, учитывая развитие исследовательской мысли и уровень историографии, поставили скромную задачу — показать роль и значение этнополитического фактора в отечественной истории XX века и выяснить его влияние на процесс распада советского многонационального государства. В этой связи каждому участнику научного форума была предоставлена возможность изложить свое ви́дение событий, свои новейшие изыскания, размышления, суждения, наблюдения и научные выводы, а также сопоставить и сравнить разные точки зрения и взгляды.

В ходе конференции было заслушано более 40 докладов, работали три секции, на которых были обсуждены национальные проблемы в российских революциях в начале XX века, этнические факторы в интеграции советского общества и генезис распада СССР. Большое внимание участников конференции привлек доклад «Общенациональный кризис в России 1905 года», в котором всесторонне проанализирована ситуация в стране в канун и в ходе революции 1905 г., показано, как

[63] 18 ноября 1921 г. Дальбюро ЦК РКП(б) вынесло решение о постепенной подготовке разрыва коалиции с мелкобуржуазными партиями в Совете министров, а 19 декабря 1921 г. председателю Совета министров коммунисту П.М. Никифорову было поручено сформировать новый Совет министров. В новом составе Совет министров представлял коалицию коммунистов и революционных крестьян.

[64] Дальневосточный путь. 1921. 24 декабря.

[65] РГИАДВ. Ф. Р-623. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

[66] Дальневосточный путь. 1921. 24 декабря; Дальневосточный телеграф (Чита). 1922. 14 января; РГИАДВ. Ф. Р-1468. Оп. 1. Д. 38. Л. 575; Ф. 4699. Оп. 1. Д. 331. Л. 23, 72.

[67] РГИАДВ. Ф. Р-1468. Оп. 1. Д. 8. Л. 233; Д. 41. Л. 47.

[68] Там же. Д. 40. Л. 15.

[69] Важнейшие вопросы внутренней и внешней политики ДВР поступали на обсуждение правительства после предварительного обсуждения их Дальбюро ЦК РКП(б); члены правительства — коммунисты — входили в состав коммунистической фракции (с 25 мая 1921 г. она стала единой для правительства и Совета министров), деятельностью которой руководило Дальбюро ЦК РКП(б).

[70] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 132. Л. 53, 53 об.; Д. 131. Л. 105.

[71] Там же. Д. 1094. Л. 27, 27 об.–28.

[72] За списки коммунистов проголосовало 50% избирателей, эсеров — 13,7, меньшевиков — 4, городская и сельская буржуазия собрала 32,3% голосов. В итоге в Народном собрании коммунисты получили 85 мест, эсеры — 18, представители крестьянского меньшинства — 12, правые — 5, меньшевики — 3, максималисты — 1.

[73] *Нам И.В.* Культурно-национальная автономия... С. 186, 195–196.

[74] ГАХК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.

[75] Это же решение приняла 4-я Дальневосточная конференция РКП(б), работавшая с 6 по 12 октября 1922 г. 12 октября Политбюро ЦК РКП(б) признало необходимым буферную республику ликвидировать. Дальбюро же должно было начать подготовку к слиянию ДВР с Советской Россией (см.: *Ципкин Ю.Н.* Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке... С. 138).

[76] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 135. Л. 47.

[77] Там же. Д. 131. Л. 190; Д. 135. Л. 72.

[78] Там же. Д. 135. Л. 45.

[79] *Шерешевский.* Указ. соч. С. 50.

[80] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 151. Л. 7.

[81] Там же. Д. 545. Л. 22.

[82] См.: *Ципкин Ю.Н.* Указ. соч. С. 139.

[83] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 146. Л. 9.

[84] *Флеров В.С., Говорков А.А.* Создание Дальневосточного революционного комитета // Ученые записки Томского государственного педагогического института. Т. XVI. Томск, 1957. С. 43.

[85] РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 146. Л. 9–10; РГИАДВ. Ф. 1468. Оп. 1. Д. 41. Л. 146.

[86] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 343. Л. 164.

[87] *Романова В.* Указ. соч. С. 238.

[88] Н.А. Кубяк выехал на Дальний Восток в августе 1922 г. в качестве инструктора ЦК РКП(б). С сентября он стал секретарем Дальбюро ЦК.

[89] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 343. Л. 157.

[90] Текст «Краткой докладной записки о положении корейского населения Приморья» см.: Белая книга. О депортации корейского населения России в 30–40-х годах. Книга первая. М., 1992. С. 46–47; *Нам С.Г.* Российские корейцы: история и культура (1860–1925 гг.) М., 1998. С. 173–174.

[91] См.: *Нам С.Г.* Указ. соч. С. 104–106.

ТУРКЕСТАН В 1917–1922 ГОДАХ: БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ НА ОКРАИНЕ РОССИИ

А. Халид
(США)

Падение российского самодержавия предопределило кардинальные преобразования социально-политической и экономической жизни Туркестанского края, который уже корчился в муках глобального кризиса, вызванного Первой мировой войной и вспыхнувшим в 1916 г. восстанием части мобилизованного на тыловые работы коренного населения. Разрушительные годы революции и гражданской войны, сопровождавшиеся ужасным голодом и эпидемиями, оказались поистине гибельными для огромного региона, численность населения которого резко сократилась. История утверждения большевиков в Туркестане отнюдь не соответствует пресловутому трафарету о «триумфальном шествии Советской власти» и ведущей роли коммунистической партии, поскольку именно «колониальный» фактор определял в значительной степени развернувшуюся в крае ожесточенную политическую борьбу. Нельзя забывать, что Туркестан являлся типичным колониальным обществом, в котором русские переселенцы существовали в неравном отношении с коренным населением, а классовые противоречия уступали этнической разобщенности между «европейцами» и «туземцами».

Первенство национального конфликта над классовым всегда представляло очевидное неудобство для советской историографии, но в начальный ее период некоторые авторы еще предпринимали робкие попытки это осмыслить. Наиболее фундаментальный труд принадлежит перу Г.И. Сафарова, который и сам являлся в Туркестане видной политической фигурой[1]. Сафаров поставил задачей разработать теоретические вопросы классовой революции в разделенном по этническому признаку колониальном обществе, но официозная сталинская историография занесла его книгу в список «ошибочных». Другой активный участник событий Т. Рыскулов подготовил два сборника материалов, посвященных влиянию колониального фактора на развитие политического конфликта в Туркестане, но и их ожидала аналогичная незавидная судьба[2]. С незначительным количеством сходных работ, изданных в первые годы суще-

Адиб Халид — профессор, Карлтон-колледж, президент Общества изучения Центральной Евразии (США).

ствования советского государства, произошло то же самое, и к десятой годовщине Октябрьского переворота официозная историография подошла с так и не разрешенной ею задачей — втиснуть события, происходившие в Туркестане, в рамки всесоюзной схемы, рассматривавшей события в Петрограде исключительно как организованный и руководимый большевиками объективно предопределенный процесс, повторившийся на локальном уровне по всей территории бывшей Российской империи.

Вне СССР положение с изучением указанного периода было совершенно иным, ибо лишенная всякого доступа к архивным источникам несоветская историография могла опираться лишь на оценки вынужденно оказавшейся вне Туркестана политической эмиграции[3]. Поэтому часть работ оказалась откровенно тенденциозной, и даже в лучших из них часто упускались важные подробности[4]. Впрочем, несколько интересных сообщений на данную тему появилось еще до того, как «гласность» в СССР открыла исследователям доступ в архивным материалам[5].

Хотя в разных странах историография все еще привычно следует по своим, давно уже прочерченным, траекториям, новая политическая ситуация на бывшем советском пространстве и открытие там архивов значительно изменили ситуацию. Большая часть новых работ поступила тогда из самой Средней Азии, но если в Казахстане акцент был сделан на публикации сборников документов[6] и переиздании цензурованных в советское время трудов местных политиков, главным образом — репрессированных коммунистов[7], то в Узбекистане сосредоточились на восстановлении памяти о тех национальных деятелях, которые в период революции и гражданской войны сыграли первостепенную роль в развитии современной узбекской культуры[8], и на переоценке так называемой Кокандской автономии — правительства Туркестана, созданного в Коканде в ноябре 1917 г., но вскоре разогнанного большевиками[9]. Экономический кризис, оказавший сильнейшее негативное влияние как на условия работы узбекских ученых, так и на издание научных трудов, вкупе с установленным государством политическим контролем оборвали данный этап исследований уже в 1992 г. В последующие несколько лет новые публикации почти не появлялись, ибо местные историки были заняты выполнением официального заказа — попытками обнаружить в эпохе Тимура и А. Навои истоки современной узбекской государственности. Событиями революционной эпохи вновь заинтересовались лишь после 1997 г., когда этот период стал рассматриваться исключительно через призму жестокого подавления узбекского национально-освободительного движения «советским колониализмом». История джадидизма получила тогда значительное научное освещение[10], а басмаческое движение стало оцениваться как «движение борцов за независимость»[11]. Совсем мало фундаментальных работ, дающих

всестороннюю картину той эпохи, появилось и за последние несколько лет[12].

В России, где архивы центральных партийных и государственных органов содержат поистине бесценный документальный массив, уровень интереса к истории Средней Азии, к сожалению, снизился. Выделяются три превосходные книги В.Л. Гениса, а также его насыщенные фактическим материалом статьи по политике РКП(б) в Средней Азии и соседних странах[13], которую автор характеризует как «революционный авантюризм» советских деятелей. Генис сосредотачивается на метаморфозах российской политики на Востоке и разногласиях среди большевистских лидеров, сталкивавшихся с непредвиденной и не вмещавшейся в рамки их искусственных схем политической и социальной ситуацией, которая находилась в постоянном движении. Аналогичные вопросы исследовали также М.А. Персиц и В.М. Гиленсен[14], но количество российских публикаций по данной теме минимально[15].

Вне пределов бывшего СССР интерес к Средней Азии возрос в последние десятилетия XX в. Окончание холодной войны привело к глубокому изменению в подходах к освещению истории России и Советского Союза и постановке ее в более широких сравнительных рамках, чего избегала советология. Так, сравнительное изучение колониализма и национального строительства оказало, например, значительное влияние на подход историков к изучению нерусских народов Советского Союза, включая и населяющих Среднюю Азию. Хотя множество блестящих диссертаций по различным аспектам ее истории защищено в США, Германии и Франции и некоторые из них опубликованы, тем не менее специальные работы, посвященные периоду 1917–1922 гг., по-прежнему появляются весьма редко. Возможно, наиболее полезным новшеством в этих последних исследованиях стал пробудившийся интерес к изучению социального и культурного развития среднеазиатского общества в предшествовавшие революции десятилетия. Указанная работа осуществлялась на основе тщательного изучения источников на местных языках, а также с учетом широкой постановки вопросов эволюции социальной мысли в огромном мусульманском мире, позволила дать более тщательный анализ стремлений различных групп среднеазиатского общества в 1917–1922 гг.[16] Представители нового поколения ученых также рассматривали Туркестан как колониальное общество и изучали его в свете концептуальных построений, разработанных «постколониальными исследованиями»[17]. Итальянский ученый М. Буттино в ряде глубоких статей обратился к теме голода в Туркестане как центральной проблеме в политических конфликтах этого периода[18]. Вопрос большевистской «восточной политики» и авантюра Энвер-паши также получили значительное освещение, хотя многие из работ были весьма

посредственными. Следует, однако, обратить внимание на успех японского ученого М. Ямаучи, который в Турецком военном архиве в Анкаре сумел получить доступ к секретным фондам, содержащим бумаги Энвер-паши, и написал прекрасное исследование о том, что произошло с последним в Средней Азии[19]. В самой Турции академическая работа по истории Средней Азии весьма слаба, хотя множество мемуаров политических деятелей, активно участвовавших в событиях в Средней Азии, издавались или переиздавались в конце XX в.[20]

Все перечисленные исследования создали новые представления об истории Туркестана в 1917–1922 гг., подтвердив, что ее колониальный аспект не может быть проигнорирован, ибо действия русских поселенцев (и других европейцев) обусловливались чувством превосходства над «туземцами», достигнутого за счет фактической монополии в вооруженной силе. Колониальное неравенство затемняло классовое сотрудничество, а вмешательство в межнациональный конфликт со стороны Центра, то есть Москвы, было весьма специфичным. Для достижения собственных стратегических целей по революционизированию мусульманского мира Москва, казалось бы, добивалась искоренения колониального неравенства в Туркестане и вставала на сторону представителей его коренного населения, но поддержка ею местных коммунистов никогда не являлась безоговорочной. После установления контроля над регионом Москва намеревалась преобразовать туркестанское общество согласно своему собственному видению, и превратившиеся в граждан «туземцы» обнаружили, что сами оказались объектами культурной и социальной трансформации.

Колониальное общество

Крах самодержавия в России в феврале 1917 г. предопределил развитие многочисленных конфликтов в туркестанском обществе, которые, однако, имели мало общего с тем, что происходило в Петрограде или Москве, ибо коренились в региональных особенностях. Покоренный лишь в последней трети XIX в. и плотно заселенный, Туркестан являлся во многих смыслах единственной настоящей российской колонией[21], где расстояние между администрацией и населением было много больше, чем где-либо еще в империи. Как показала перепись 1897 г., автохтонное население плохо интегрировалось в общегосударственную сословную и цензовую систему, а подавляющее его большинство определялось просто как инородцы. Еще более показательным являлось то, что на местах коренных жителей относили к туземцам и четко отличали от пришлого европейского населения[22]. Это различие стало особенно заметным с появлением «новых» городов, хорошо спланированных и построенных вблизи всех крупных «старых» городов региона. Новые города не были изолированы, поскольку туркестанцы имели право и на самом деле селились в них, но тем не менее создавали «европейское пространство», весьма отличное от старых городов, с их узкими улицами и традиционной архитектурой.

Русское население края делилось на три главные группы. В первую входили горожане, представители которых занимали позиции как в администрации, так и небольшом индустриальном секторе местной экономики. Почти все квалифицированные рабочие в Туркестане являлись европейцами, и, по словам Сафарова, «принадлежность к промышленному пролетариату в царской колонии была *национальной привилегией русских*»[23]. Вторую группу европейцев представляли сельские жители: начиная с 1890-х гг., русские крестьяне и казаки направлялись в регион Переселенческим управлением. Большинство из них жило в Семиречье, однако небольшие русские общины существовали и во всех других областях Туркестана, где переселенцы владели значительными участками земли и были весьма зажиточными. Именно переселение вызвало крупномасштабные волнения коренного населения и конфискацию земли, которая принадлежала казахам-кочевникам и которая, как считало государство, была им не нужна. Поэтому неудивительно, что еще за десятилетие до революции 1917 г. «переселенческий вопрос» стал главной пружиной казахского общественного движения. Наконец, третья группа европейского населения состояла из русских солдат, находившихся на военной службе, численность которых особенно возросла в 1916 г. В отличие от первых двух упомянутых групп солдаты не имели прочной связи с Туркестаном, а были там лишь временно расквартированы.

Большинство же коренного населения было сельским, хотя за полвека русского правления в Туркестане местные города очень выросли. «Туземцы» идентифицировали себя прежде всего «мусульманами Туркестана» — это была концепция, в которой религиозные, региональные и этнические аспекты глубоко переплетались. Причем различие между «туземцами» и «европейцами» являлось не просто вопросом социального согласия, а было признано юридически и служило основанием значительных привилегий для последних. Именно напряженным отношениям между «туземцами» и европейцами предстояло сыграть центральную роль в событиях 1917 г.

Но колониальный мир был нарушен еще в 1916 г., когда указ о мобилизации «туземцев» на тыловые работы вызвал массовое восстание в населенных кочевниками областях — Сыр-Дарьинской и Семиреченской, а также в Джизакском уезде Самаркандской области. Главными объектами нападений повстанцев стали российские правительственные

чиновники и учреждения, где хранились мобилизационные списки, и русские переселенцы, которые обосновались на земле, еще недавно отобранной у кочевников. В ответ на «бунт» туземцев царское правительство назначило новым туркестанским генерал-губернатором А.Н. Куропаткина, известного своими жесткими мерами при подавлении Андижанского восстания 1898 г. Куропаткин вооружил русских переселенцев, которые стали добровольными помощниками правительственных войск, переброшенных в Туркестан из внутренних губерний России. В результате к концу лета Семиречье и часть Сыр-Дарьинской области были объяты пламенем межэтнической войны, в которой кочевники не смогли противостоять русским. Множество казахов и киргизов, с большими людскими потерями и убылью домашнего скота, бежали тогда на территорию Китая. Возвратившись на родину весной 1917 г., они встретили русских переселенцев, занявших их земли, после чего вновь вспыхнуло кровопролитие, продолжавшееся в течение всего революционного года.

Туркестанский кризис достиг тогда пика своего напряжения, а общие экономические трудности, вызванные мировой войной, еще более возросли из-за упадка ориентированной на хлопок экономики региона. Хлопок становился все более доминирующей культурой в местном сельском хозяйстве, что привело Туркестан к зависимости от внешних источников продовольственного снабжения. Только Семиреченская область с ее переселенческими хозяйствами имела излишки зерна. Хлопковое сельское хозяйство было наиболее интенсивным в Ферганской области, в которой уже к 1913 г. дефицит зерна превышал 30 млн пудов[24]. В течение военных лет цена хлопка по отношению к зерну резко снизилась, что привело ко всеобщему обнищанию дехкан. Рост цен на продовольствие затронул каждого туркестанца, хотя возникший кризис имел явно этнический характер. Уже в 1915–1916 гг. в Ташкенте имели место хлебные бунты, в ходе которых русские женщины обвиняли мусульманских торговцев в «утаивании продовольствия» и «спекуляции»[25]. Продовольственный кризис был вызван как весьма суровой зимой 1916–1917 гг., после которой выпало недостаточное количество осадков, так и резким, обусловленным революционной неразберихой, сокращением поставок зерна из России, следствием чего явился ужасный голод, создававший фон ко всеохватывающему политическому и военному конфликту в регионе.

Нельзя не отметить, что тема голода в Туркестане оказалась чуть ли не забыта исследователями. Очень немного было написано об этом и в постсоветском Узбекистане, хотя период революции и гражданской войны рассматривается там преимущественно в отрицательном свете. Единственный из известных нам узбекистанских авторов, коснувшийся указанной темы, признает все же, что «по масштабам это бедствие не уступало тому, что постигло Поволжье в 1920–1921 гг. Только не было здесь ни организованной эвакуации в более благополучные районы страны, ни помощи международных организаций»[26]. (Как известно, в течение 1921 г. Туркестан, действительно, принимал голодающих из Поволжья, и к середине 1920-х гг., когда Ташкент приобрел славу «города хлебного», регион превратился в символ плодородного края.) Тщательные статистические подсчеты Буттино обрисовали весь масштаб обрушившейся на Туркестан катастрофы: в период между 1915 и 1920 гг. площадь обработанной земли уменьшилась там наполовину, численность домашнего скота — на 75%, а выращивание хлопка фактически прекратилось. Но потери различных социальных групп были неравнозначны, и если у русских крестьян площадь обработанной земли сократилась на 28%, а домашнего скота — на 6,5%, то для оседлого коренного населения — соответственно на 39% и 48%, а для кочевников — на 46% и 63,4%. Численность населения края уменьшилась за тот же пятилетний период на 25%, причем сельское население сократилось на 30%[27].

Эти сами за себя говорящие цифры дают представление о пережитых туркестанцами ужасных страданиях. Спасаясь от смертельного голода зимы 1917–1918 гг., масса казахов двинулась в Ташкент, где, толпясь у местных предприятий и магазинов, молила о предоставлении им какой-либо работы, дабы накормить себя и свои семьи. Многие из них умирали прямо на улицах, а другие, так и не добравшиеся до Ташкента, гибли в пути или на отдаленных железнодорожных станциях. В Джизакском уезде жители «помирали как мухи... трупы убирать было некому и таковые встречались на каждом шагу, объеденные собаками и шакалами, и кости этих несчастных пришлось только окончательно убрать в 1919 г. ...Царила голодная смерть»[28]. Голод, сопровождавшийся ужасными эпидемиями холеры и тифа, и разорение населения имели явную этническую окраску, хотя в существующей литературе они рассматриваются обычно как побочный результат войны и, иногда, революции, который не имел определяющего воздействия на политическую борьбу в данный период[29]. Буттино же доказал, что голод был тем самым фактором, который определил главные контуры развернувшейся в Туркестане политической и военной борьбы. Захват власти советами и их отказ разделить ее с «туземцами» являлся средством для сохранения русским населением своей привилегии — права распоряжаться столь дефицитными в голодное время продовольственными ресурсами. Автор этих строк находит оценку Буттино абсолютно бесспорной и считает, что голод имел гораздо более глубокое влияние на все происходившее в Туркестане в этот период. Вымирание края не могло не оказать травмирующего влияния на отношение коренного населения к русской власти, радикализируя мусульманское общество, обостряя разногласия внутри него и требуя новых форм организации и действия.

Колониальная революция

Когда новость об отречении Николая II была получена в Туркестане, все слои населения начали политически сорганизовываться. Первыми начали рабочие-железнодорожники, создавшие 2 марта свой совет, который в свою очередь на следующий день организовал Ташкентский совет рабочих депутатов. На созванном Ташкентской городской думой собрании всех общественных организаций был избран исполнительный комитет из 19 членов под председательством умеренного меньшевика В.П. Наливкина, выдвижению которого на этот пост отнюдь не помешала продолжительная карьера царского чиновника в Туркестане. В последующие несколько недель установившееся в Ташкенте двоевластие было, как образец, скопировано населением и других городов края, причем созданные общественные организации представляли лишь местных европейцев. Поскольку во время первой русской революции 1905–1907 гг. коренное население в своей значительной массе было аполитичным и сыграло достаточно скромную роль в бурных событиях того периода, европейцы предполагали, что и новая революция 1917 г. также останется их внутренним делом, а их привилегированный статус в регионе будет, как и ранее, незыблемым. Мусульманам предоставлялась лишь возможность ознакомиться с новым порядком (только по два их представителя были включены в исполнительные комитеты общественных организаций Ташкента и Самарканда) и ничего более…

Однако 1917 г. очень отличался от 1905 г., ибо мусульманская общественная жизнь, опиравшаяся на развитие местной прессы и национального театра, не стояла на месте. Джадидизм, новаторское движение культурной реформы, бросил вызов власти традиционных элит в мусульманском обществе, приближая кардинальную реформу местной жизни[30]. Важным фактором являлась и политизация коренного населения, обусловленная трудностями войны и восстанием 1916 г. Поэтому свержение царской власти вызвало огромный энтузиазм среди местного населения. Так, в Самарканде митингующие потребовали, чтобы налоги, собираемые в старой части города, не тратились на его русскую часть, а мусульманам предоставили не два, а 58 из 90 мест в исполнительном комитете[31]. В Ташкенте многолюдный митинг, состоявшийся 9 марта, избрал четырех представителей в Ташкентский исполнительный комитет и составил отдельный комитет для управления старым городом, выбравший себе название Шура-и Исламия, которое переводилось как совет мусульманских депутатов[32]. Но Шура-и Исламия функционировала не как совет, а скорее объединяла и координировала работу всех мусульманских организаций, которые начали образовываться по всему Туркестану.

Европейское население, несомненно, было удивлено этой активностью, ибо провозглашенное российским Временным правительством равноправие угрожало подорвать привилегированное положение европейцев, а голод, который еще только начинал ощущаться, превращал это в проблему выживания последних. К маю европейцы потребовали, чтобы новые и старые части городов имели раздельные думы и отдельные бюджеты, а вопрос о составе продовольственных комитетов стал одним из главных. Политический конфликт происходил в условиях существенного ограничения рамок власти центрального правительства. С 31 марта, когда Ташкентский совет депутатов, действуя по своей инициативе, арестовал Куропаткина и выслал его из пределов края, Туркестан уже фактически стал автономным, каковое его состояние продлилось почти до середины 1920 г. Тем не менее Петроград поддержал действия Ташкентского совета и назначил Туркестанский комитет (Туркомитет) Временного правительства в составе девяти человек, которым поручалось управление регионом до выборов в Учредительное собрание. Туркомитет, который включал четырех мусульман, из которых, правда, ни один не был коренным туркестанцем, с энтузиазмом взялся за работу, но очень скоро вступил в конфликт с Ташкентским советом. В результате уже в течение месяца несколько членов Туркомитета вышли из его состава и возвратились в Россию. Большую часть лета Туркомитет бездействовал, и хотя попытки оживить его продолжались до октября, ему так и не удалось стать той силой, с которой приходилось бы считаться[33]. Ташкентский совдеп, будучи более радикальным, чем его краевой аналог, оказался наиболее мощной властью в крае.

Мусульманское политическое движение достигло своего апогея, когда в Ташкенте 16 апреля 1917 г. открылся 1-й съезд мусульман Туркестана, представлявший все политические течения среди местного населения. Программа съезда, состоявшая из 16 пунктов, включала широкий спектр вопросов, касавшихся будущего Туркестана, — от отношения к новому правительству и формы государственного устройства до поставок в край продовольствия и реформы образования[34]. Но возникшая эйфория не могла скрыть глубокие разногласия внутри самого мусульманского общества. Первоначально лидерство в организации местного населения принадлежало джадидам, увидевшим в революции возможность осуществления той самой культурной реформы, о которой они так мечтали в течение предыдущего десятилетия. Но, как только Февральская революция сместила вектор борьбы из сферы культуры в область большой политики, джадидам пришлось испытать сильное давление противоборствующих партий. С одной стороны, к ним примкнула небольшая группа получивших образование в России интеллигентов-мусульман, многие из которых являлись казахами и не играли какой-

либо роли в джадидском движении, но чье владение русским языком оказалось столь важным в новых сложившихся обстоятельствах. Наиболее значительной фигурой среди них являлся М. Чокаев (1890–1941), представитель аристократической казахской семьи из Перовска, который закончил юридический факультет Петербургского университета и работал консультантом мусульманской фракции Государственной думы. С другой стороны, джадиды были атакованы консервативными силами, которые не видели потребности в фундаментальном культурном преобразовании их общества. Ядро этой группы состояло из улемов, религиозных ученых, которые откололись от Шура-и Исламия в мае 1917 г. и сформировали свою собственную организацию под названием Улама джамияти (Общество улемов)[35], стремившуюся к союзу с российскими партиями и поддержавшую кадета на пост председателя Ташкентской городской думы. Небезынтересно, что ее лидером стал не религиозный деятель, а адвокат С.-А. Лапин — казах, получивший русское образование и многие годы состоявший на государственной службе в качестве переводчика[36]. Конфликт между улемами и джадидами являлся определяющей чертой мусульманской политики 1917 г., что вызывало у многих прогрессистов немало горечи и привело их к еще большей политической радикализации. Улемы, как выяснилось, оказалось намного более влиятельными, чем джадиды, что доказали июльские выборы в Ташкентскую городскую думу, где они получили 72 из 112 мест[37]. После такой победы джадиды и улемы действовали порознь и осенью созвали отдельные друг от друга съезды, на которых каждая из сторон утверждала, что, мол, только она говорит от имени всех мусульман Туркестана.

Наконец, мусульманские ремесленники и мастеровые начали организовывать собственные профсоюзы, которые были особенно влиятельны в Самарканде и, функционируя как объединения бедноты, сотрудничали с Шура-и Исламия, а не с улемами. Тем не менее это были «туземные» организации, имевшие немного общего с европейскими советами рабочих и солдат, которые уделяли им мало внимания. Единственным, пожалуй, исключением был Союз строительных мастеровых-мусульман, выставивший в июле свой собственный список кандидатов на выборах в Ташкентскую думу и контактировавший с Ташкентским советом, в котором его представители сформировали очень маленькую группу мусульман.

Однако усиливающийся продовольственно-снабженческий кризис затмил эти внутримусульманские конфликты. К сентябрю реквизиции продовольствия стали банальностью, а право на их осуществление и наложение контрибуции на буржуев стало наиболее ощутимым видом революционной деятельности. В Ташкенте эти реквизиции имели отчетливо этнический характер, ибо, совершая набеги на старый город, русские солдаты и рабочие конфисковывали там зерно у мусульман —

«укрывателей» и «спекулянтов». А 10 сентября в праздничный для мусульман день жертвоприношения явившиеся на железнодорожную станцию русские солдаты начали отнимать зерно у пассажиров, многие из которых были дехканами окрестных кишлаков. Буквально на следующий день на многолюдном солдатском митинге было объявлено о свержении как Временного правительства, так и послушного ему Туркестанского краевого совета и переходе всей власти в руки временного ревкома[38]. Несомненно, что истоки сентябрьского выступления скрывались в напряженных отношениях между русским и мусульманским обществами на почве продовольственного кризиса, но в позднейшей советской историографии эти события в Ташкенте изображались как определенный этап общенационального революционного подъема, последовавший вслед за провалом корниловской авантюры.

Против революционного путча в Ташкенте выступили многие общественные организации, в том числе и все мусульманские, а Шура-и Исламия приняла решение, что «мусульмане никогда не признают захвата власти одной какой-либо партией в демократической России»[39]. Туркестанский Краевой совет был также против узурпации власти, но ему пришлось бежать в г. Скобелев Ферганской области. Петроград же отправил в Ташкент войска под командованием генерал-майора П.А. Коровиченко, назначенного «генеральным комиссаром» по управлению Туркестаном, с целью разоружения путчистов. Но его попытки изменить состав Турккомитета не достигли цели, а намерение разоружить солдат, вовлеченных в сентябрьские события, сплотило против него все местные русские организации. Напряженная атмосфера снова взорвалась 27 октября 1917 г., когда исполком Ташкентского, ново-городского, совета депутатов при поддержке части войск начал вооруженное восстание против власти Временного правительства. Коровиченко мог рассчитывать только на незначительное число казаков, юнкеров и татарских солдат, прибывших вместе с ним в Ташкент, вследствие чего он раздавал оружие русскому населению и даже жителям старого города[40]. Но к 1 ноября солдаты, действовавшие от имени советов, все-таки захватили власть. Важно подчеркнуть, что хотя ташкентский переворот произошел всего через несколько дней после петроградского, он не был связан с событиями в российской столице и определялся местной борьбой, которая продолжалась с лета и обусловливалась скорее не классовым антагонизмом, а острым продовольственно-снабженческим кризисом в Туркестане.

Таким образом Ташкентский совет, представлявший европейских рабочих и солдат нового города, не только овладел столицей Туркестана, но и стал претендовать на управление всем регионом. Первый совет народных комиссаров Туркестанского края, организованный Ташкентским совдепом в качестве его исполнительного органа, являлся коалицией левых

эсеров, большевиков, меньшевиков-интернационалистов и максималистов. Но последние две группы исчезли уже к весне 1918 г., и советская власть в Туркестане оставалась коалицией большевиков и левых эсеров до начала 1919 г. Причем мусульмане не входили ни в совнарком, ни в исполком Ташкентского совета до тех пор, пока последний не кооптировал в свой состав 7 декабря двух представителей коренного населения, будучи вынужденным пойти на это по требованию группы мусульман[41].

Со своей стороны улемы организовали в Ташкенте съезд, который, ссылаясь на то, что «мусульмане Туркестана... составляют 98 процентов населения», посчитал непозволительным «поддерживать захват власти в крае горсткой переселенцев — солдат, рабочих и крестьян, которые игнорировали образ жизни мусульман Туркестана». Для управления Туркестаном до созыва Учредительного собрания съезд решил предложить совету создание нового Турккомитета из 12 членов (6 от мусульманского съезда и по 3 от региональных съездов городских самоуправлений и советов), отвечающего перед Краевым советом (из 24 членов, в том числе 14 представителей улемов)[42]. Естественно, что совет отнюдь не имел намерения делиться своей властью и в резкой форме отклонил данное предложение. Однако принятая им резолюция, предложенная большевиками и максималистами, ясно характеризует взгляды последних: «Привлечение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым, как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе высшей власти фракция приветствовала бы»[43].

В свою очередь лидеры Шура-и Исламия поняли нереальность сопротивления узурпации власти со стороны свергнутого в Петрограде центрального правительства и решили возобновить работу своего сентябрьского съезда с целью объявления края автономным[44]. 4-й Чрезвычайный съезд мусульман Туркестана был созван в Коканде 27 ноября 1917 г. Большинство делегатов прибыло туда из Ферганы и по меньшей мере несколько из них были европейцами (их роль остается пока не выясненной). После кратких дебатов съезд принял следующее решение: «IV чрезвычайный общемусульманской краевой съезд, выражая волю населяющих Туркестан народностей к самоопределению на началах, возвещенных Великой Российской революцией, объявляет Туркестан территориально автономным в единении с Федеративной Демократической Российской республикой, предоставляя установление форм автономии Туркестанскому учредительному собранию, которое должно быть созвано в кратчайший срок, и торжественно заявляет, что права населяющих Туркестан национальных меньшинств будут всемерно охранены»[45].

Съезд выбрал Временное правительство Туркестана[46] из 8 членов, которое несло ответственность перед руководящим советом из 54 членов. В последний вошли 32 человека из числа прибывших делегатов, причем 18 оставшихся мест были предназначены для представителей различных немусульманских партий и организаций, а 4 места — для представителей городских самоуправлений[47]. В состав этого совета, который возглавлялся членом Турккомитета М. Тынышпаевым, входили все видные мусульманские деятели региона. При этом, если Ташкентский совдеп оправдывал свою легитимность с помощью риторики классовой борьбы, то образованное в Коканде туркестанское правительство опиралось на завоевания Февральской революции и решения состоявшихся в 1917 г. мусульманских съездов. Правительство говорило от имени «народностей, населяющих Туркестан», и стремилось заручиться поддержкой либеральных слоев русского населения, которым предлагалось заполнить треть мест в руководящем органе края.

Демонстрации населения в поддержку автономного правительства успешно прошли 3 декабря в Андижане и 6 декабря в Ташкенте[48], где 13 декабря в день празднования рождения пророка Мухаммеда был также созван митинг. Проведение его поддержала и городская дума, которая отказалась прекратить свою работу, несмотря на требование Ташкентского совета[49]. Последний же решил не участвовать в этой мусульманской манифестации[50] и не позволил ей проходить в русской части города; совет также ввел в Ташкенте военное положение[51]. Тем не менее демонстрация привлекла десятки тысяч людей, в том числе многих немусульман, и к ней даже присоединились ташкентские улемы, не питавшие особой симпатии к членам автономного правительства. Несмотря на запрет, собравшиеся двинулись в русскую часть города, где часть демонстрантов ворвалась в тюрьму и освободила политических заключенных, заточенных туда в ходе захвата Ташкентским советом власти. В ответ русские солдаты начали стрелять в толпу и убили несколько человек, причем число жертв увеличилось за счет задавленных людей[52]. Освобожденных же демонстрантами заключенных вернули в тюрьму, где тотчас казнили.

Хотя автономное правительство пользовалось популярностью среди мусульманского населения, ему не хватало денежных средств и военной силы, ибо европейские части туркестанских городов полностью контролировались подчинявшимися революционной власти русскими солдатами. Уже 28 ноября совнарком обратился ко всем советам с призывом сформировать Красную гвардию, для чего завладеть оружием частей старой армии[53], а 29 декабря объявил весь край на военном положении. Вслед за этим, в январе 1918 г., комиссар труда П.Г. Полторацкий явился в Коканд и «национализировал» местное отделение Госбанка, конфисковав там свыше 8 млн руб.[54] Оставшись без финансовых средств, автономное

правительство оказалось неспособным и к сбору налогов. Но даже получив три миллиона рублей посредством займа, оно столкнулось с непреодолимыми препятствиями в формировании собственной армии. Поскольку местное население не несло воинской повинности, единственными мусульманскими солдатами, которые оказались в наличии, были служившие в татарско-башкирских подразделениях, а также немногочисленные турецкие офицеры — бывшие военнопленные, получившие свободу. Численность этой «армии» остается неизвестной, хотя, согласно газетному сообщению, 9 января в старом городе Коканда состоялся парад верных автономному правительству сил, в котором участвовало 1 000 вооруженных людей[55]. Тем не менее в военном отношении ситуация складывалась явно не в его пользу. Хотя в феврале 1918 г. кокандское правительство доверило начальнику старо-городской милиции Эргашу пост «главнокомандующим» своей армии, сей громкий титул не компенсировал того печального факта, что у мусульманских солдат было слишком мало оружия и отсутствовали офицеры. Поэтому, когда в середине февраля войска Ташкентского совета напали на Коканд, настоящего сражения не получилось. Имея артиллерию, но «не зная точно, куда отступил и где находится противник», советские войска начали обстреливать Коканд[56], в результате чего старая часть города была практически уничтожена.

Борьба за власть

Однако военная победа в Коканде не способствовала утверждению советской власти в Туркестане, который к весне 1918 г. оказался вовлечен в полномасштабную гражданскую войну, продолжавшуюся вплоть до начала 1920-х гг. Блокада Оренбурга войсками Дутова отрезала край от внутренней России. В Закаспийской области власть захватили меньшевики и умеренные эсеры, а в Семиречье антисоветское восстание подняли русские крестьяне и казаки. Революционный хаос использовал и бухарский эмир, надеявшийся восстановить независимость своей страны, утерянную еще в XIX в. Кроме того, в борьбе за право обладания продовольственными ресурсами в Фергане русские поселенцы развернули борьбу против местного мусульманского населения, которое в свою очередь активно взялось за оружие для самообороны. Широкое «басмаческое» движение продолжалось до 1924 г., а его остатки не удавалось ликвидировать вплоть до начала коллективизации. Всеобъемлющий кризис на фоне голода достиг своего пика, и эти годы для Туркестана стали временем поистине первобытного хаоса, в котором разнородные общественные группы шли на все ради своего выживания,

а легко заключавшиеся политические союзы оказывались крайне недолговечны.

Советская власть опиралась прежде всего на свою вооруженную силу, находившуюся целиком в руках русских переселенцев, с помощью которых и проводились реквизиции и конфискации, в первую очередь — продовольствия. «Национализация», под которой подразумевалась насильственная конфискация, была основой революционной политики советского правительства, причем борьба за продовольствие в первые месяцы его власти приобрела явно этнический характер. Мало того, что советскую власть представляли фактически исключительно европейцы, но она еще и в значительной степени ограничивалась пределами новых городов. Распространение ее за их пределы было возможно лишь с помощью военной силы, как это и происходило в случаях с ликвидацией автономного правительства в Коканде или попыткой вторжения в Бухару в начале марта 1918 г., осуществленной под руководством самого председателя краевого совнаркома большевика Ф.И. Колесова. Но кровопролитие в ходе таких военных кампаний приводило лишь к стравливанию европейцев с мусульманами, о чем свидетельствует немало источников. Когда 23 февраля вопрос о походе на Коканд обсуждался на заседании Ташкентского совета, меньшевик-интернационалист Х.Л. Вайнштейн с горечью заметил: «Куда девалась классовая борьба, во имя которой мы подняли свое красное знамя? Из доклада мы слышали о вражде между русскими и сартами, армянами, персами. Мы слышали о том, как бы защитить себя от мусульман. Вместо классовой борьбы, таким образом, мы имеем борьбу национальную»[57]. Однако поднятый Вайнштейном вопрос отнюдь не смутил его коллег, и в городах вопросы снабжения продовольствием по-прежнему решались на этнической основе. Например, в Ташкенте ново-городской совет начал еще в декабре 1917 г. организовывать набеги на старый город с целью конфискации зерна у «спекулянтов». В сельской местности русские переселенцы использовали лозунг «власть на места», дабы захватить земли, принадлежавшие коренным жителям, прежде всего — кочевникам. Вооружившись, крестьяне формировали отряды как для защиты своей собственности и запасов продовольствия, так и для конфискации того же самого у представителей мусульманского населения.

В этнических грабежах участвовали и еще две группы европейцев. В Туркестане проживало немало армян, многие из которых бежали из Османской империи, являлись членами партии «Дашнакцутюн» и были настроены антимусульмански[58]. Ново-городской совдеп Коканда вооружил их во время нападения на старый город и позже сформировал Армянскую дружину из 100 человек, которая считалась защитником европейского населения и советской власти против «мусульманской тол-

пы»[59]. Дружина сыграла центральную роль в сражении за Коканд, причем в последующие двенадцать месяцев вооруженные армянские отряды стали почти неизменной составляющей безжалостной войны против коренного населения. Еще одной большой группой европейцев являлись многочисленные австро-венгерские и германские военнопленные, присутствие которых в регионе еще более усугубляло продовольственный кризис. 1 мая 1918 г. ташкентское правительство «освободило» их от плена и объявило свободными гражданами революционного Туркестана, избавив тем самым себя и от хлопотной заботы об их прокорме. Вступление в Красную гвардию для бывших военнопленных, известных по советской литературе как «интернационалисты», стало фактически единственным способом спастись от голодной смерти, и впоследствии они играли существенную роль в военных победах над «аборигенами»[60].

Но советская власть в Туркестане не сумела заручиться поддержкой даже его европейского населения. Хотя еще до Октябрьского переворота 1917 г. Ташкентский совет требовал для себя положения руководящего органа в деле снабжения региона продовольствием, ему не удалось монополизировать эту работу не только в старом, но и в новом городе, где различные группы рабочих продолжали заниматься самоснабжением. Сорганизовавшиеся в начале 1917 г. и сформировавшие свои советы крестьянских депутатов, русские переселенцы также имели напряженные отношения с ташкентским правительством. Однако революционные лозунги «Власть — на места!» и «Земля — тем, кто ее обрабатывает!» были чрезвычайно выгодны для крестьян, и до лета 1919 г. они старались избегать прямого конфликта с советским правительством. Земельные комитеты и «социализация» земли были лишь средством, с помощью которых переселенцами конфисковывались земли, принадлежащие кочевникам, особенно — в Семиречье. Между тем продовольственное совещание в Ташкенте в январе 1918 г. утверждало, что наиболее пострадавшая от голода Ферганская область имеет якобы даже излишки зерна, — в отличие от хлебного Семиречья, где жило большинство русских переселенцев. Эта информация была очевидной ложью, но поскольку в Фергане мусульманское население преобладало, а в Семиречье хлеб выращивался именно переселенцами, неудивительно, что конференция лоббировала интересы последних[61]. Однако к 1919 г. потребности Ташкента в продовольствии стали затрагивать и интересы русских крестьян, которые немедленно восстали против советской власти, а незначительное их число в Фергане даже сотрудничало с басмачами[62].

Наиболее гибельными для мусульман были первые месяцы советского правления, и, например, уже в июне 1918 г. первый нарком по делам национальностей Т. Ашурходжаев сообщал в совнарком Туркреспублики, что в результате «полной разрухи на местах» население «совсем потерялось, оно совершенно не знает, к кому обращаться и где искать, в случае нужды, защиты или покровительства»[63]. В сельской местности население вообще пока оставалось вне контроля советской власти и в значительной степени сохраняло к ней враждебность. Но, как свидетельствовали очевидцы, даже на территориях, находившихся под номинальным советским контролем, власть фактически отсутствовала, и наиболее острой в этом отношении была ситуация в Фергане и Семиречье. Так, на проходившем в 1919 г. 3-м съезде компартии Туркестана председатель совнаркома К.Е. Сорокин говорил: «В Фергане Советской власти нет, разве только — в городах с русским населением. Но в мусульманской деревне Советской власти не существует». Последняя же зиждилась на бушевавшей тогда в области межэтнической войне. По свидетельству другого выступавшего на съезде оратора, имелись «случаи, что в наших партийных организациях находились бывшие чины полиции, жандармы и много другого преступного элемента... Вследствие этого многие ответственные посты занимались хулиганами, взяточниками и пьяницами, должностными спекулянтами, которые грабили население, терроризовали его и этим создали врагов Советской власти»[64]. Естественно, что к весне 1918 г. Ферганская долина превратилась в арену широко разлившегося крестьянского восстания, которое получило название «басмаческого». Большие отряды вооруженных людей не только контролировали сельскую местность, но и нападали на русские поселения, железнодорожные станции и города. Позже восстание распространилось на Самаркандскую область, а после свержения в сентябре 1920 г. эмира — и на Восточную Бухару. Его не удавалось подавить до 1924 г., когда советский режим восторжествовал на всей территории Туркестана[65].

Восстание в Средней Азии имело самую разнообразную историографическую оценку. Например, к 1930-м гг. оно характеризовалось советскими авторами как контрреволюционное движение на службе империализма и интервентов, причем утверждалось, что басмачи были связаны со столь же «контрреволюционной» Кокандской автономией и финансировались англичанами. Несоветская историография представляла собой почти зеркальное отображение советской, изображая басмачей как единое националистическое движение за освобождение края от русского колониального правления[66]. В современном Узбекистане, как уже отмечалось, басмаческое движение рассматривается как «движение борцов за независимость». Между тем первые советские авторы связывали это восстание с экономическими и социальными причинами, коренящимися в крахе хлопковой экономики региона, а некоторые вели поиск истоков басмачества не в классовой борьбе и экономической

эксплуатации декхан, а в этническом характере гражданской войны и преступлениях советской власти. Так, С. Гинцбург писал в 1925 г., что «басмачество вначале явилось протестом всех слоев населения Ферганы против вакханалии грабежей, реквизиций и конфискаций со стороны „советской власти"»[67]. Современные ученые на Западе возвратились к данной теме путем скрупулезных архивных исследований. Еще в 1989 г. немецкий ученый Р. Лоренц определял суть басмачества как своеобразный ответ туркестанского населения на экономическое разрушение региона в течение военных и революционных лет[68]. В свою очередь Буттино, рассматривая восстание в контексте вызванного голодом хаоса и переживаемых населением ужасных страданий, полагает, что басмачество являлось попыткой навести порядок «снизу»[69].

Однако корни движения нужно искать скорее в том недовольстве, которое зрело в Туркестане в сельском обществе еще в предреволюционные годы. Понятие «басмачи» (разбойники) использовалось на страницах официальной узбекоязычной «Туркистон вилоятининг газети» еще за десятилетие до революции при объяснении различных видов бандитизма в Ферганской долине. В 1917 г. Временное правительство амнистировало многих сосланных в Сибирь в связи с занятиями подобного рода. Один из них, Эргаш (в русскоязычных источниках — Иргаш), получивший тогда должность начальника милиции в Коканде, а затем назначенный «главнокомандующим» армией автономного правительства, после ликвидации последнего сбежал в свой кишлак, где организовал вооруженный отряд. Такие же отряды в Фергане возглавили Мадамин-бек и Хал-Ходжа, главной целью которых являлась борьба с европейцами и советскими властями с целью защиты от них мусульманского населения и его продовольственных запасов. Поэтому, хотя басмачество обусловливалось разгромом Кокандской автономии, корни его лежали в глубоком экономическом и продовольственно-снабженческом кризисе, в который оказался ввергнут регион и который определил характер этого движения, то есть оно оставалось в значительной степени локальным и никогда не стремилось к политической независимости Туркестана. Структура власти внутри движения была также децентрализована и фрагментирована. К весне 1919 г. советские власти в Ташкенте попытались изменить межэтнический характер войны в Фергане и вступили в переговоры с различными басмаческими вожаками, некоторые из которых выражали готовность пойти на мировую при оставлении им оружия. Вместе с тем, когда в сентябре того же года русская «крестьянская армия» в Фергане восстала против большевиков, Мадамин-бек вступил с ней в переговоры и заявил о формировании «временного автономного правительства Ферганы», которое должно было опираться на демократически избранный, по четырехчленной формуле, парламент. Поэтому,

видимо, нельзя рассматривать басмачество лишь в националистической интерпретации. Тем более, что стремление нетуркестанских мусульманских деятелей, в частности бывших лидеров младотурок Энвер-паши и Джемаль-паши, использовать басмаческое движение для достижения более масштабных политических целей неизменно терпело неудачу. Кстати, лидеры националистического движения были тоже весьма невысокого мнения о вожаках басмачей, и, если верить М. Чокаеву, «ни с ферганским, ни тем более с бухарским басмачеством бывшие „кокандские автономисты" никакой связи не имели»[70].

Победы Красной Армии в 1920 г. предопределили очередную метаморфозу в политике советских властей, которые вновь стали полагаться лишь на свое военное превосходство и право сильного. Это вызвало новую вспышку ожесточенной межэтнической борьбы, хотя относительное улучшение с продовольственным снабжением и включение представителей коренного населения в органы советской власти несколько уменьшили масштабы повстанческого движения и в территориальном, и в социальном отношении. После разгрома Бухарского эмирата в сентябре 1920 г. восстание охватило и Восточную Бухару, но местное движение, стремившееся заполнить образовавшийся в связи с ликвидацией эмирского правительства вакуум власти, имело немного общего с ферганским басмачеством. Последние искры повстанческого движения продолжали тлеть вплоть до начала коллективизации.

Впрочем, представители высших органов советской власти в 1918–1919 г. также не отличались особой спайкой. Октябрьский переворот в Ташкенте не являлся победой только большевиков, которым в течение полутора лет, до середины 1919 г., никак не удавалось узурпировать власть в Туркестане. Так, президиум созванного в январе 1918 г. 4-го краевого съезда советов состоял из трех большевиков, трех левых эсеров и одного меньшевика-интернационалиста[71]. Хотя президиум собравшегося в апреле того же года 5-го съезда советов состоял уже из четырех большевиков и четырех левых эсеров, со стороны делегатов (некто Данилевский) высказывалось неудовлетворение тем, что в нем представлены лишь две партии. Причем левые эсеры имели на съезде значительно большую поддержку, так как из 263 его делегатов лишь 86 являлись большевиками, а 177 были левыми эсерами, к которым примыкали и 70 беспартийных[72]. До декабря 1917 г. фактически не существовало и отдельных большевистских организаций, а первый съезд Компартии Туркестана (КПТ), организовавшейся только в июне 1918 г., не смог даже выбрать краевой комитет, и это удалось сделать лишь на состоявшемся тремя месяцами позже втором ее съезде[73]. Сафаров был прав, когда писал, что «партия большевиков здесь не руководила событиями. Ее не было... Как это ни парадоксально, в *Туркестане не партия*

большевиков создала советскую власть, а советская власть, необходимость утверждения власти советов создала здесь партии большевиков и левых эс-эров»[74].

Более того, 19 января 1919 г. военный комиссар Туркреспублики К.П. Осипов вместе с группой бывших офицеров предпринял попытку государственного переворота, детали которого остаются все еще не до конца выясненными. Терзавший край голод играл, видимо, немалую роль в этом выступлении, ибо в своем обращении к населению Осипов заявлял: «Советская власть свергнута... Голодным и измученным нравственно и физически мы говорим: для вас готов уже хлеб, который не могла вам дать советская власть... Вам возвращается забытая и поруганная свобода слов, собраний, обществ. Вам гарантируется неприкосновенность личности и жилища»[75]. Хотя в течение дня большая часть Ташкента, включая старый город, оказалась в руках мятежников, расстрелявших 14 попавших к ним в руки комиссаров, верные правительству военные силы утопили восстание в крови, а неудачливый диктатор Осипов бежал в Фергану. Советская власть была восстановлена в форме временного Военно-революционного совета, составленного как из большевиков, так и левых эсеров, но без единого представителя мусульман, после чего началась волна конфискаций, арестов и насилий, направленных против «буржуазии». Главной же мишенью победителей стало мусульманское население старого города, считавшееся в целом антисоветски настроенным[76].

В марте 1919 г. левые эсеры проголосовали за роспуск своей партии и слияние ее с КПТ, что означало конец двухпартийной коалиции, существовавшей в крае с октября 1917 г. Но и это не привело к единству в высшем руководстве Туркреспублики, ибо если в 1918 г. компартию раздирала жестокая борьба между «старыми» и присланными из Оренбургами «молодыми» большевиками, часть которых погибла в дни «осиповского» мятежа, то в 1919 г. она приняла еще более ожесточенные формы: в подковерной схватке за власть в республике сошлись местные большевики с так называемыми «центровиками». Более того, крайком КПТ объединял только российских коммунистов, а военнопленные и мусульмане имели отдельные парторганизации, которые в 1919 г. фактически не контролировались Центром.

Проблема контроля

С тех пор как в марте 1917 г. генерал-губернатор Куропаткин был арестован по приказанию Ташкентского совдепа, регион фактически вышел из-под контроля центральной российской власти, чему весьма способствовали и низкая эффективность деятельности Туркестанского комитета Временного правительства, и назревающая гражданская война в России, весьма негативно влиявшая на состояние железнодорожного сообщения. В последующие полтора года Центр имел крайне ограниченные возможности для контроля над регионом, отрезанным от него фронтом. Только осенью 1919 г., когда блокада Оренбурга была наконец-то снята, начался мучительный процесс реинтеграции Туркестана в состав российского государства, но установление политического контроля над краем сильно затянулось.

Помимо стремления распространить советское правление по всей территории прежней Российской империи, Центр был заинтересован в Туркестане благодаря его богатейшим экономическим ресурсам, прежде всего — хлопку, и его стратегическому положению, позволявшему использовать регион в качестве плацдарма для революционизирования населения сопредельных стран. Таким образом, «восточная» политика приобретала громадное значение. Еще в своем известном обращении «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», от 20 ноября 1917 г., В.И. Ленин связывал разрешение национального и колониального вопросов в России и за рубежом, трактуя понятия «класс», «национальность» и «религия» как равнозначные. Дебаты по восточной политике являлись самыми важными в определении курса действий Центра в Туркестане. «Установление правильных отношений с народами Туркестана, — говорил Ленин местным коммунистам в ноябре 1919 г., — имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое. Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч и миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам»[77].

Но если Центр, ставивший перед собой глобальные стратегические задачи, делал ставку на политику компромисса и пытался воспользоваться новыми идеологическими схемами, то туркестанские партийные работники оказались гораздо более приверженными ортодоксальной марксистской линии. Первым прибывшим в край «центровиком» стал П.А. Кобозев — член партии с 1898 г., появившийся в Ташкент в апреле 1918 г. в сопровождении двух татарских сотрудников Народного комиссариата по делам национальностей. Их приезду предшествовала телеграмма главы Наркомнаца И.В. Сталина, сообщавшего о компромиссах, на которые Центр был уже готов пойти: «Командируем к Вам, в Туркестан, двух товарищей, членов татаро-башкирского комитета при Народном комиссариате по делам национальностей, Ибрагимова и Клевлеева. Последний, должно быть, известен вам как бывший сторонник авто-

номной группы. Возможно, что назначение его на новый пост поразит Вас; прошу Вас, тем не менее, приобщить его к работе, не взыскивая с него за старые грехи. Мы все здесь думаем, что теперь, когда Советская власть укрепляется всюду в России, нам не пристало бояться теней прошлого людей, вчера еще путавшихся с нашими врагами: если эти люди готовы признать свою ошибку, мы их не должны отталкивать от себя. Более того, советуем вам привлекать к работе и других сторонников Керенского из туземцев, поскольку они готовы служить Советской власти, — последняя только выиграет от этого, а бояться теней прошлого нечего»[78]. Толкуя основные марксистские категории в рамках своих далеко идущих планов революционизирования колониального мира, большевистские лидеры выражались весьма экспансивно… К состоявшемуся в марте 1918 г. VIII съезду РКП(б) ее руководство смягчило свою позицию даже в вопросе о ведущей роли пролетариата, как революционной силы, и допускало сотрудничество с непролетарскими элементами в колониальных странах.

Но, как уже говорилось, ташкентские революционеры оказались более ортодоксальными марксистами и отказывались разделить власть с мусульманами из-за недостатка у них пролетарских организаций. Более того, еще в мае 1918 г. туркестанский предсовнаркома Колесов резко критиковал представителей Центра, пытавшихся вмешаться в политику «национализации» хлопка, с вызовом заявляя Москве, что к «заданиям Высшего Совета Народного Хозяйства мы прислушиваемся лишь постольку, поскольку они отвечают общим принципам [власти], возглавляемой Его Величеством трудящимся классом»[79]. Центр так и не сумел увлечь туркестанских деятелей своим энтузиазмом в отношении восточной революции[80], ибо те были убеждены, что обедневшие невежественные массы не могут стать ее носителями. На 3-м съезде КПТ в июне 1919 г. делегат Г.П. Константинопольский, излагая позицию «старых большевиков», между прочим говорил: «В Туркестане пролетариата нет. Есть полупролетариат, есть угнетенная беднота, есть угнетенное крестьянство, а с нашей точки зрения, эта масса не может представлять из себя ту реальную революционную силу, которая могла бы двигать исторический процесс»[81].

В условиях Туркестана подобные убеждения приводили либо к гибельным политическим результатам — отчуждению местного населения от советской власти, либо своекорыстно использовались оказавшейся у власти этнической группой. Так, монополизировав власть, местные коммунисты потребовали выделения непропорционально большого количества финансовых средств для русских школ[82]. То же самое касалось и продовольственного снабжения. Рыскулов сообщал, что на заседании ТуркЦИК лидер «старых большевиков» И. Тоболин «заявил прямо, что

киргизы (казахи. — *А.Х.*), как экономические слабые с точки зрения марксистов, все равно должны будут вымереть: поэтому, говорил он, для революции важнее тратить средства не на борьбу с голодом (что все равно не достигает цели), а тратить лучше на поддержку фронтов»[83].

Мусульманские коммунисты и Мусбюро

Первоначальная задача Центра в 1918–1919 гг. состояла в том, чтобы вынудить Ташкентский совет отказаться от его политики отторжения мусульман от власти, для чего Кобозев и его единомышленники начали пропаганду за включение представителей коренного населения во все властные структуры. Старо-Ташкентский совет мусульманских и деханских депутатов начал действовать еще в апреле 1918 г. Его члены участвовали в 5-м краевом съезде советов, который собрался в Ташкенте 21 апреля, причем благодаря объявленной амнистии в отношении лиц, которые сотрудничали с кокандским автономным правительством[84], некоторые из них были включены в состав новых советских органов. Перед съездом Кобозев добился также переизбрания Ташкентского совдепа. «Блестящая победа наша при выборах в Ташкентский совет окончательно раздавила гидру реакции, — телеграфировал он в Москву. — ...Белые мусульманские чалмы заметно выросли в рядах ташкентского парламента, достигнув одной трети всего его состава»[85]. Кобозев получил место председателя съездовского президиума и заставил включить в последний нескольких мусульман. Благодаря ему же 9 из 37 членов ТуркЦИК, избранного в качестве высшего органа власти в крае, и 4 из 16 членов совнаркома являлись мусульманами[86]. В течение лета немалое их количество получили также ответственные должности в советских учреждениях и вошли в большевистскую и левоэсеровскую партии, образовав тем самым новую мусульманскую политическую элиту, ставившую перед собой задачу представлять и защищать интересы коренного населения.

Постепенно так называемые мусульманские коммунисты начинали играть весьма существенную роль в формировании советской политики в Средней Азии, причем все их руководящие деятели (о рядовых, к сожалению, известно мало) условно делились на две группы. Первую из них представляли джадиды, которые весьма радикализировались благодаря революции 1917 г. и встреченной ими оппозиции внутри собственного мусульманского общества. Они по-прежнему считали возможным добиться прогресса лишь через просвещение соотечественников, что в общем не противоречило целям русских революционеров[87], и рассматривали новые органы власти как средство для преобразования своего

общества. Вторую группу, имевшую совершенно другую интеллектуальную траекторию, составляли, главным образом, те мусульмане, которые учились в так называемых русско-туземных школах, хорошо владели русским языком и, не имея отношения к джадидскому движению, тем не менее страстно желали участвовать в реализации принципов национального самоопределения и культурной революции. И действительно, просветительская деятельность среди мусульман, в том числе ее театральная составляющая, в 1918–1920 гг. резко активизировалась, и в Ташкенте и Самарканде появились новые школы и учительские курсы.

«Восточная» политика Москвы отражала и другую точку соприкосновения интересов сторон. Поражение в октябре 1918 г. Османской империи, являвшейся единственным в мире независимым мусульманским и тюркским государством, вызвало у джадидов не только ощущение отчаяния, но и сильный антиколониальный, а главное, антибританский настрой. Поэтому все они были очарованы риторикой советского режима, уповая на его «восточную» политику как на единственную возможность остановить безудержное продвижение британского империализма на Восток в связи с победой держав Антанты в Первой мировой войне. Так, видный бухарский джадид А. Фитрат писал: «Правительство Советской России боролось с европейскими империалистами. Его девиз — „победа или смерть“. Это точно признак успеха и это точно признак благородства, требуемого, чтобы объединить Восток»[88]. Джадиды считали, что, поскольку европейский пролетариат не сумел поддержать советскую Россию, последняя не имеет другого выхода, кроме как вступить в союз с Востоком. Мусульманские коммунисты без джадидской подготовки говорили примерно о том же, хотя и в слегка ином тоне, помогая советской власти в деле революционизирования народов Востока.

Текущие события в регионе превратили все эти разговоры в реальность, ибо в феврале 1919 г. убитого афганского эмира Хабибуллу сменил его сын Аманулла, который сразу же объявил войну британской Индии и, желая заручиться поддержкой советского правительства, отправил в Москву свою делегацию. В марте она добралась до Ташкента, где ее руководитель, индийский «революционер» М. Баракатулла, издал брошюру под названием «Большевизм и демократия ислама», в которой приводил доводы в пользу их совместимости[89]. Неудивительно, что мусульманские коммунисты считали, что их миссия в рамках провозглашенной Москвой восточной политики приобретает всемирно-историческое значение. Это передает и текст резолюции, принятой в мае их конференцией и совмещающей в себе также попытку самооправдания: «Революционному пролетариату Востока: Турции, Индии, Персии, Афганистана, Хивы, Бухары, Китая, всем, всем, всем. Мы, мусульмане-коммунисты Туркестана, собравшиеся на первую краевую конференцию в Ташкенте, шлем Вам наш братский привет, мы свободные — Вам угнетенным. Мы ждем с нетерпением, когда Вы последуете нашему примеру и возьмете управление органами власти в свои руки, в руки местных советов рабочих и дехканских (крестьянских) депутатов. Мы скоро надеемся идти с Вами плечом к плечу в борьбе Вашей с мировым капиталистическим гнетом, выразившимся на Востоке в лице английского удушения туземных народов»[90].

Но успех «восточной» политики зависел от того, станет ли Туркестанская республика той образцовой моделью, к которой будут стремиться и по которой будут равняться народы соседних государств. Лидеры мусульманских коммунистов исходили из теоретического постулата, что в колониальном обществе интересы социальной революции должны быть подчинены задачам его национального самоопределения и культурного возрождения. Наиболее интересные положения на сей счет сформулировал Т. Рыскулов (1894–1938) — семиреченский казах, который, окончив до революции русско-туземную школу и сельскохозяйственное училище, в 1919 г. возглавил Мусульманское бюро коммунистических организаций (Мусбюро) и состоял зампредседателя ТуркЦИК. Рассматривая национальное единство как базу восточной революции, Рыскулов писал Ленину: «В Туркестане, как и на всем колониальном Востоке, в социальной борьбе существовали и существуют две доминирующие, в сравнении с остальными, силы: угнетенные эксплуатируемые колониальные туземцы и европейский капитал, борющиеся между собой. На основании сего Октябрьская революция в Туркестане должна была совершиться не только под лозунгом свержения существующей буржуазной власти, *но и окончательного уничтожения всякого остатка наследия всяких могущих быть колонизаторских поползновений со стороны царского чиновничества и кулачества*»[91]. В то же самое время национальное единство на Востоке должно вызвать «интернациональное единство трудящихся и эксплуатируемых народов», и, соответственно, одна из целей компартии состоит в том, чтобы «пропагандировать идею объединения тюркских народностей, не входящих в состав РСФСР, вокруг их колыбели Туркестана в одну мощную Тюркскую Советскую Республику Российской Советской Федерации»[92]. Революция, если можно так выразиться, была эффективно «национализирована» Рыскуловым.

Рост авторитета мусульманских коммунистов происходил на фоне радикализации городского населения в Туркестане под влиянием голода и создавшейся новой политической ситуации. Продовольственно-снабженческий кризис способствовал усилению влияния ремесленных союзов, которые организовались в старых городах в 1917 г. Как организации «демократии», они получили возможность проводить реквизиции и налагать «контрибуции», которые, будучи очень распространенным

явлением в 1918–1919 гг., достигали иногда 1,5 млн руб.[93] Например, 17 августа 1918 г. Самаркандский исполнительный комитет мусульманских рабочих и дехканских депутатов принял решение изъять у баев 241 тыс. руб.[94] В то же улемы, сохраняя и в 1920-е гг. свое общественное влияние на мусульманское население, стремительно теряли их столь незыблемую, казалось бы, в 1917 г. политическую власть. Уже в мае 1918 г. Ташкентский старо-городской совет обвинил Улама джамияти в контрреволюционности и расформировал эту еще недавно влиятельную организацию, конфисковав ее собственность. Агрессивную линию проводил старо-городской совет и против образовательных учреждений, в которых обосновались улемы, подвергая сомнению их взгляды относительно социального правосудия и экономического равенства[95]. Четко сформулировав интересы мусульманского населения и обещая представлять и защищать их, совет изменил политический расклад сил в старом городе в свою пользу. При этом многие представители старой элиты оказались включены в состав новых советских органов власти, которые и помогли им возглавить мусульманское общество. Поскольку же летом старо-городские советы Ташкента и Самарканда начали еще и выдавать мусульманским коммунистам разрешения на ношение оружия с целью самозащиты от «контрреволюционеров»[96], новая элита оказалась не только поддерживаемой советскими учреждениями, но и вооруженной. Таким образом зарождался медленный процесс перетекания власти из новых городов в старые, то есть от русских к мусульманским коммунистам, что получило и свое идеологическое обоснование со стороны Центра.

Кобозев, покинувший Ташкент в июне 1918 г. в связи со своим новым назначением, вернулся назад в марте 1919 г. в качестве члена особой комиссии Совнаркома РСФСР по делам Туркестана. В нее также входили Ш.З. Элиава и А.С. Киселев, которые, однако, не смогли пробраться во вновь отрезанную фронтом республику. Таким образом Кобозев оказался в Ташкенте, перефразируя русскую поговорку, что называется, один в поле воин. Впрочем, он привез с собой полсотни сотрудников, вместе с которыми тщетно пытался утвердить в крае порядки, установленные в России центральным правительством. Основная задача возглавляемой Кобозевым группы «центровиков» снова заключалась в том, чтобы поставить ТуркЦИК и руководство КПТ под эффективный контроль Москвы и обеспечить реальное, а не формальное, вхождение мусульман в органы власти. Тем более, что мусульманские коммунисты, вступавшие в партию с лета 1918 г., были явно маргинализированы европейскими «товарищами». Созданное в марте 1919 г. Мусбюро ставило перед собой задачу пропаганды идей советской власти среди местного населения и усиления влияния компартии, но очень быстро стало базой для самоорганизации мусульманских коммунистов, которые, как отмечалось в докладе Рыскулова, видели своей главной целью заботу о «пухнувшей от голода бедноте»[97]. Мусбюро создало сеть своих организаций по всему Туркестану и в период с мая 1919 г. по январь 1920 г. провело три краевые конференции. Ему также предоставили право связываться непосредственно с Москвой и в его ведение была передана газета «Иштирокиюн» («Коммунист»), выходившая на узбекском языке. Неудивительно, что уже вскоре Мусбюро стало главной опорой Кобозева в его борьбе с лидерами русских коммунистов.

Политическая ситуация в Ташкенте изменилась после радиограммы из Москвы, предписывавшей местным органам власти «широкое, пропорциональное населению, привлечение туркестанского туземного населения к государственной деятельности без обязательной принадлежности к партии, удовлетворяясь тем, чтоб кандидатуры выдвигались мусульманскими рабочими организациями»[98]. Но, считая, что такая политика приведет к «учредилке» и вообще гибели революции в крае, ТуркЦИК скрыл от населения текст радиограммы из Центра — точно так же, как в 1917 г. Куропаткин безуспешно пытался скрыть известие о свержении монархии. Однако Мусбюро огласило содержание московской директивы на организованном в старом городе митинге и опубликовало текст радиограммы в своей газете «Иштирокиюн»[99], взяв на себя тем самым роль исполнителя воли Центра в Туркестане.

Такой поворот событий привел к серьезному кризису в отношениях между Кобозевым и Мусбюро, с одной стороны, и русскими большевиками из Крайкома и ТуркЦИК — с другой, вылившемуся в ожесточенную борьбу между ними на проходивших в сентябре советском и партийном съездах. Причем, отказываясь следовать рекомендациям Кобозева, «старые большевики» из числа тогдашних руководителей Туркеспублики апеллировали к Москве: «Кобозевым проводится настойчивая националистическая политика среди несознательных мусульманских представителей, преобладающих на съездах ...Предполагается Кобозевым предложить съезду резолюцию, в которой говорится, что Учредилка не должна пугать, ибо с ней лучше поднять Восток, чем радикальными лозунгами, за которыми не стоят массы»[100]. Тем не менее Кобозев оказался избран в новый состав ТуркЦИК, «старые» большевики лишились своих высоких должностей, а мусульманские коммунисты, опираясь на поддержку центровиков, совершили огромный шаг к вхождению во власть.

Турккомиссия и укрепление центральной власти

Прорыв Красной Армией оренбургской «пробки» обеспечил возможность для установления более эффективного контроля над Туркестаном

со стороны Москвы, организовавшей в октябре 1919 г. новую Комиссию ВЦИК по делам Туркестана, представлявшую также Совнарком РСФСР и ЦК РКП(б). Комиссия состояла из видных большевиков — Ш.З. Элиавы (председатель), Я.Э. Рудзутака, Ф.И. Голощекина, В.В. Куйбышева, Г.И. Бокия и М.В. Фрунзе. Первые четверо добрались до Ташкента 4 ноября и были встречены полутысячной толпой мусульман во главе с Рыскуловым[101]. Знакомство членов Турккомиссии с ситуацией на местах привело только в Фергане к роспуску всех партийных и советских органов, замененных ревкомами[102].

Уже первые выступления членов Турккомиссии показали, что они выбрали правильный тон в отношении мусульман. Элиава, например, говорил, что советская Россия не требует от Востока немедленного проведения социальной революции — достаточно добиться национального освобождения[103]. В декабре, посещая русские поселения в Бухарском ханстве, он заявил местным ответственным работникам, что в результате «неправильной политики» 1918 г. мусульманские массы решили, что «советская власть в смысле подавления и вмешательства не лучше царской»[104]. В результате «колонизаторство» стало рассматриваться как тяжелое политическое преступление, и многих русских, которым его инкриминировали, Турккомиссия решительно высылала из Туркестана. Мусульманские коммунисты с энтузиазмом поддержали данную меру, и страницы «Иштирокиюн» были полны ярких описаний многочисленных притеснений коренного населения[105].

На гребне этой «антиколонизаторской» волны Мусбюро приняло решение сформировать мощную 200-тысячную мусульманскую Красную Армию, причем, после одобрения этой идеи ТуркЦИК, запрос на сей счет был послан ВЦИК и лично Ленину[106]. Однако Мусбюро так и не сумело установить с Турккомиссией столь же теплые отношения, какие оно имело с Кобозевым. Не было удовлетворено и ходатайство туркестанской делегации, участвовавшей в работе VII Всероссийского съезда советов, которая обратилась 11 ноября к Ленину с просьбой о включении Кобозева и двух мусульман в состав Турккомиссии. Месяцем позже та же делегация сетовала, что «первые же шаги, характеризующие прибытие Турккомиссии, показывают большую тенденцию рассматривать ее права как права комиссии военного генерал-губернаторского управления Туркестаном»[107].

Именно в этой ситуации в январе 1920 г. собралась 5-я краевая конференция КПТ, на которой Рыскулов и его союзники предприняли самый смелый свой шаг. После того как мусульманские коммунисты получили большинство мандатов на съезде, рыскуловцы сумели добиться принятия нескольких радикальных резолюций, переименовав, в частности, КПТ в Тюркскую коммунистическую партию. Съезд также заявил, что «Туркестан — страна тюркских народностей», а остальное население представляет из себя пришлый элемент, и соответственно: «Тюркская Советская Республика должна вполне отвечать бытовым, историческим, экономическим требованиям жизни коренного населения». Несмотря на присутствие членов Турккомиссии, они не отвергли немедленно указанные положения, и Элиава сообщал Ленину, что он и Куйбышев склонялись к «необходимости осуществления этих мер»[108]. Но в конечном счете Турккомиссия выступила против решений съезда и аннулировала их, что было поддержано и Москвой, которая в марте 1920 г. приняла, наконец, устраивающее ее положение об автономии Туркестана.

Впрочем, навязать свою волю местным коммунистам Центру удавалось лишь благодаря военной силе. Туркестанский фронт был организован в июле 1919 г., и командовавший им Фрунзе являлся одним из наиболее влиятельных членов Турккомиссии. Будучи сам по происхождению туркестанцем — уроженцем Пишпека, Фрунзе занял жесткую позицию в отношении мусульманских коммунистов и возражал против формирования ими красноармейских частей. Перебравшись в феврале 1920 г. из Самары в Ташкент, Фрунзе ссылался на «узкий мелкобуржуазный национализм» мусульманских коммунистов, заявляя: «Туземное население в классовом отношении не расслоено, их нужно воспитать коммунистически и это возможно; в этом наша задача»[109]. Но такое воспитание было возможно, по его мнению, лишь после установления советской власти. Фрунзе, как и многие другие большевистские деятели, испытывал безграничную веру в военное решение проблемы революционизирования мусульманского Востока, которое происходило, как он считал, слишком медленно. Фрунзе не терпелось использовать российскую Красную Армию для советизации соседних стран, и, обсуждая, например, стратегию действий в отношении Бухарского ханства, он не без сожаления говорил: «Чтобы создать в Бухаре внутренний революционный подъем, необходимо ожидать не месяцы, а годы». Фрунзе и его коллеги по Турккомиссии исходили из того, что революционное «движение в Бухаре должно быть толчком, а все остальное, приблизительно так 9/10, должна сделать российская Красная Армия»[110]. Именно ей, а вовсе не трудящимся массам или даже местным коммунистам, предназначалось стать двигателем революции в Туркестане и сопредельных государствах Востока.

Мусульманские коммунисты, контролируя уже и Крайком, и ТуркЦИК, продолжали наступление на Турккомиссию, торпедировали выполнение ее решений и, упрямо апеллируя к Центру, даже командировали в Москву свою «чрезвычайную делегацию». Рыскулов вновь ссылался на значение Туркестана для советской восточной политики и указывал на все еще не устраненный там колониальный характер меж-

национальных отношений. Но апелляция к Центру осталась, по сути, «гласом вопиющего в пустыне», ибо в июне ЦК РКП(б) принял новые решения, определившие отношения между Туркреспубликой и РСФСР и поставившие регион под жесткий контроль Центра. В результате в течение лета весь советский аппарат и все партийные комитеты и ревкомы были переизбраны, а 19 июля Турккомиссия распустила Крайком КПТ, заменив его временным ЦК, который уже и формировал новый состав ТуркЦИК. Очередные партийный и советский съезды избрали новое руководство советского Туркестана. Хотя принцип пропорционального представительства, провозглашенный Москвой в июле 1919 г., был преднамеренно забыт, представители местного населения имели незначительное большинство на съезде советов. Однако в конечном счете весь советский аппарат был подчинен компартии, а Туркестан — Центру.

Впрочем, поражение мусульманских коммунистов отнюдь не стало победой русских переселенцев. Вопрос об отношении к ним являлся одним из наиболее существенных для Турккомиссии и новообразованного Туркбюро ЦК РКП(б). В начале 1920 г. заведующий отделом внешних сношений Турккомиссии Г.И. Бройдо, с мнением которого тогда еще считались Элиава и Куйбышев, резко критиковал местных русских крестьян. Он указывал, что они, особенно в Семиречье, были типичными «кулаками, многоземельными, с большими стадами» и не испытывали никаких симпатий к революции, из-за чего «нормы советской конституции и декретов в руках этого звероподобного кулака превращались в могучее орудие совершения разграбления киргиз». Но и местные рабочие были немногим лучше крестьян-кулаков, поскольку созданные им привилегированные «материальные условия (домик, корова, а также земельный участок) пропитали эту массу духом мелкобуржуазных предрассудков, в условиях Туркестана проявляющихся к трудящимся туземцам»[111]. Но Фрунзе придерживался иного мнения и, хотя соглашался с тем, что почти все русские крестьяне в Туркестане — кулаки, полагал, что их вполне можно интегрировать в советский строй. Летом 1920 г. Турккомиссия и Туркбюро ЦК РКП(б) вели активную борьбу как против «национализма», так и против «колонизаторства», в связи с чем многие политические деятели, как мусульманские, так и объявленные русскими колонизаторами, изгонялись не только из властных структур, но и из пределов республики. Вопрос о необходимости «выслать из Туркестана целый ряд лиц»[112] был поднят Турккомиссией еще в ноябре 1919 г., но в полной мере этот замысел был реализован лишь в 1921 г. Он коснулся прежде всего многочисленных русских переселенцев в Семиречье, что являлось в значительной степени заслугой Сафарова, прибывшего в Туркестан еще осенью 1919 г. во главе агитпоезда «Красный Восток» и назначенного в августе 1920 г. членом Турккомиссии и Туркбюро. Действия Сафарова во многом напоминали методы Кобозева, ибо он также продвигал во власть и защищал местные кадры (среди которых пользовался большой популярностью), но при этом враждебно относился к русским поселенцам. Сафаров поставил себе целью наказать последних за совершенные ими, начиная с 1916 г., преступления в Семиречье и таким образом показать не на словах, а на деле, что советская власть отнюдь не является наследницей царской колониальной власти. Объезжая в июне 1921 г. русские поселения, Сафаров лично допрашивал крестьян, обвинявшихся в притеснениях кочевников, и добивался высылки «колонизаторов» из Туркестана. Но это вызвало резкое недовольство со стороны других членов Турккомиссии, особенно М.П. Томского, Я.Х. Петерса и Я.Э. Рудзутака, которые рассматривали русских в качестве главной опоры советской власти. Отношения между членами Турккомиссии настолько обострились, что ЦК РКП(б) был вынужден послать в Ташкент своего представителя А.А. Иоффе. Но обвинения в злоупотреблении властью, выдвинутые Центральной контрольной комиссией РКП(б) против Сафарова, были сняты лишь благодаря личному вмешательству самого Ленина[113].

Автономия и вопрос о статусе Туркестана в составе России

Принятые в июле 1920 г. постановления ЦК РКП(б) завершили период политической неопределенности, который начался весной 1917 г. с ареста генерал-губернатора Куропаткина и на всем протяжении которого различные социально-политические группы добивались автономии региона. Еще состоявшийся в сентябре 1917 г. 3-й Туркестанский мусульманский съезд призывал к учреждению собственного парламента, полномочного решать любые вопросы, за исключением внешних сношений, обороны, почты и телеграфа, а также сферы высшей судебной власти. Региональные власти должны были получить право самостоятельного решения всех экономических вопросов, в том числе осуществлять полный контроль над минеральными и водными ресурсами Туркестана. Именно претворение этой программы имелось в виду при провозглашении автономии в Коканде. В свою очередь Кобозев выдвинул план «советской автономии», что означало создание Туркестанской советской республики в составе Российской советской федерации. Прибывшая в 1918 г. в Москву делегация ТуркЦИК также исходила из принципа децентрализации, доказывая, что Туркестан должен сохранить широкую автономию, включая право осуществлять собственную внешнюю политику, а военная сфера будет контролироваться коллегией, составленной из двух представителей Туркестана и одного представителя Центра, причем

контроль за ее деятельностью предлагалось возложить на ТуркЦИК. Делегация организовала в Москве полномочное представительство Туркреспублики с целью «отражения и защиты в центре хозяйственных и продовольственных нужд Туркестана»[114]. Но в сформулированных делегацией тезисах об автономии напрочь отсутствовали какие-либо ссылки на *национальные* особенности края, то есть автономия задумывалась на чисто территориальных и административных условиях. Тем не менее переговоры остались незавершенными, и делегация вернулась в Ташкент, где проходивший в сентябре 6-й съезд советов принял Конституцию Туркестанской республики. В течение последующих двенадцати месяцев органы ее власти продолжали убеждать Центр в необходимости предоставить Туркестану широкую автономию, пределы которой были одной из главных осей конфликта между Кобозевым и местными русскими коммунистами. Причем один из «старых большевиков» как-то заявил ему: «Наш Туркестанский ЦК КП пользуется таким же правом, как и Российский ЦК, и вмешиваться в наши дела, а тем более передоверять право такого вмешательства, вплоть до роспуска организаций Туркестанской Республики различными „тройками“, ЦК не вправе»[115]. Однако ни советская автономия Туркестана, ни положение о полпредстве ТуркЦИК так и не получили формального одобрения Центра.

Хотя на 5-й краевой конференции КПТ в январе 1920 г. также обсуждался вопрос о необходимости широкой автономии для Туркестана, никто из его видных политических деятелей не стремился никогда к сепаратизму. Разговор всегда шел не о выходе из состава России и политической независимости Туркестана, а о его автономии в рамках российской государственности. Даже провозглашенное в Коканде автономное правительство Туркестана не собиралось функционировать вне демократической России. В свою очередь Закаспийское временное правительство предлагало в конце 1918 г. пойти на компромисс «во имя светлых идеалов социализма», а именно — закончив гражданскую войну, созвать парламент, который сформирует законную власть в крае[116]. Осипов во время своего путча в Ташкенте в январе 1919 г. обещал созвать учредительное собрание. Наконец, «временное правительство», созданное осенью того же года в Фергане басмаческим лидером Мадамин-беком в союзе с русской «крестьянской армией», также гарантировало созыв парламента, причем среди местного населения ходили слухи, что в результате этой инициативы советский режим распадется сам[117]. Но для большевиков «учредилка» была абсолютным нонсенсом, и, получив контроль над регионом военным путем, они сумели вернуть Туркестан в состав Российского государства на своих собственных условиях.

В течение 1921 г. деятельность Туркбюро ЦК РКП(б) оказалась не очень эффективна как из-за постоянных кадровых перестановок, так и в связи с

разногласиями среди его членов, в связи с чем реальная власть в республике оказалась фактически в руках Реввоенсовета Туркфронта. В декабре 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) объявило о новом составе Туркбюро и впервые допустило в него мусульман. Первые члены Туркбюро — Н. Тюрякулов (1892–1939), А. Рахимбаев (1896–1938) и К. Атабаев (1887–1937) — представляли новую советскую туркестанскую элиту. Очень молодые, учившиеся, как правило, в русско-туземных школах и вступившие в партию в 1918 г. или позже, лидеры мусульманских коммунистов заняли высшие государственные посты в Туркестане, но не долго, увы, на них продержались. До национально-территориального размежевания границ Средней Азии в 1924–1925 гг. во властных структурах Туркреспублики постоянно происходили кадровые рокировки и перетряски, ибо Центр не был удовлетворен революционной сознательностью и лояльностью ответственных работников-мусульман. Поэтому, несмотря на то, что формально ТуркЦИК и ЦК КПТ неизменно возглавлялись представителями коренных народов, европейцы продолжали доминировать на среднем и низшем уровнях.

Появление «туземцев» в верхних этажах власти сочеталось с еще более крепким привязыванием Туркестана к России, откуда непрерывным потоком прибывали все новые и новые русские партийные, советские и военные работники, а также специалисты в области агрономии и ирригации. Восстановление транспортных связей с внутренней Россией улучшило ситуацию со снабжением населения продовольствием, и Центр обратил внимание на необходимость перестройки сельского хозяйства, превратившей Среднюю Азию в последующие десятилетия в настоящую хлопковую плантацию, и на ирригацию, которая в значительной степени была разрушена во время гражданской войны. Туркестан вновь привязывался к российской экономике.

В 1920 г. в состав российского государства были возвращены и его прежние протектораты, для чего большевики устроили «революции» в Хиве, Бухаре и даже на севере шахской Персии. В результате Хивинское ханство превратилось в Хорезмскую народную советскую республику, которой формально руководило слабосильное правительство младохивинцев, всегда находившихся под неусыпным контролем полпредства РСФСР[118]. В Бухаре, где имелись более мощные традиции государственности, ситуация оказалась гораздо сложней. Накануне советского военного вторжения Бухарская коммунистическая партия, основанная в эмиграции под руководством небухарцев, была вынуждена объединиться с младобухарцами — джадидами, радикализированными как революцией в России, так и преследованиями эмирского режима и стремившимися теперь достичь *национального* прогресса в провозглашенной с помощью большевиков «народной республике». Бухарское правительство под ру-

ководством Ф. Ходжаева (1896–1938) надеялось добиться максимально возможной самостоятельности БНСР во внутренней политике, предусматривая, в частности, защиту частной собственности, проведение независимой от РСФСР внешней торговли, сформирование отдельной Бухарской Красной Армии и непосредственное вхождение Бухарской компартии в состав Коминтерна. Но все это осталось лишь благими пожеланиями: уже в феврале 1922 г. БКП оказалась включена в РКП(б), а Бухарская и Хорезмская республики вступили в дипломатический союз с РСФСР, дававший ей право представлять их за границей. В апреле 1922 г. Туркбюро было переименовано в Средазбюро ЦК РКП(б), которое и взяло на себя контроль за партийной работой как в Туркестане, так и Бухаре и Хорезме. Москва также настаивала на экономической и финансовой интеграции трех республик, в результате чего уже в 1923 г. организовался Среднеазиатский экономический совет. Но и это Москве покажется недостаточным, и к 1924 г. она затеет национально-территориальное размежевание — сложнейший и болезненный процесс, который его организаторы умудрятся осуществить всего за один год.

---

[1] *Сафаров Г.* Колониальная революция: опыт Туркестана. М., 1921; книга была переиздана в Оксфорде в 1985 г. Ссылки приводятся по оксфордскому изданию.

[2] *Рыскулов Т.Р.* Мусбюро РКП(б) в Туркестане. Ташкент, 1922; *Он же.* Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925.

[3] Наиболее важными являются взгляды М. Чокаева и А.З.В. Тогана (Валидова). См.: *Чўкой ўғли М.* 1917инчи йил хотира порчолори. Париж; Берлин, 1937 (турецкий перевод издан в Анкаре в 1988 г.). Русскоязычный подлинник этих мемуаров недавно обнаружен в Москве и опубликован: *Чокаев М.* Отрывки из воспоминаний о 1917 г. Токио; М., 2001; *Чокаев М.* Туркестан под властью советов. Париж, 1935 (переиздание осуществлено в Алматы в 1993 г.); *Chokaev M.* The Basmaji Movement in Turkestan // Asiatic Review. 1928. April. Vol. 24. P. 273–288; *Chokaev M.* Turkestan and the Soviet Regime // Journal of the Royal Central Asiatic Society. 1931. Vol. 18. P. 403–420; *Tchokaieff M.* Fifteen Years of Bolshevik Rule in Turkestan // Journal of the Royal Central Asiatic Society. 1933. Vol. 20. P. 351–359. См. также две ранее не опубликованные статьи, подготовленные С.М. Исхаковым: *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России. События, мнения, оценки. М., 2002. С. 656–693; *Он же.* Революция в Туркестане (Февральская эпоха) // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 3–19. Две книги Тогана сохраняют фундаментальное значение для изучения Центральной Азии в начале XX в., включая 1917 г.: *Togan A.Z.V.* Bugünkü Türkili (Türkistan) ve Yakın Tarihi. Istanbul, 1947; *Он же.* Hatıralar. Türkistan ve diğer Müslüman Doğu Türklerinin Millî Varlık ve Kültür Mücadeleleri. Istanbul, 1970 (см. перевод на русский язык: *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. М., 1997.

[4] Наиболее влиятельным эмигрантским автором являлся Б. Хаит. См., например: *Hayit B.* Sowjetrussischer Kolonialismus und Imperialismus in Turkestan als Beispiel des Kolonialismus neueren Stils gegenüber einem islamischen Volk in Asien. Oosterhout, 1965; *Он же.* Turkestan im XX. Jahrhundert. Darmstadt, 1956.

[5] *Vaidyanath R.* The Formation of the Soviet Central Asian Republics. New Delhi, 1967; *Blank S.* The Contested Terrain: Muslim Political Participation in Turkestan // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. № 4. P. 47–73.

[6] Алаш Орда: сборник документов. Алматы, 1992; Kahapлы 1917 жил / Грозный 1916-й год: В 2 т. Алматы, 1998; Новейшая история Казахстана: сборник документов и материалов. Алматы, 1998.

[7] *Рыскулов Т.Р.* Собр. соч.: В 3 т. Алматы, 1997; *Шоқай М.* Тандамалы: В 2 т. Алматы, 1998; *Тюрякулов Н.* Соч. Алматы, 1997.

[8] Это приняло форму публицистических статей и мемуаров, изданных в литературных журналах, типа «Ўзбекистон адабиети ва санъати», «Ўзбек тили ва адабиети», «Звезда Востока» и «Шарқ юлдузи», а также в многочисленных брошюрах и буклетах.

[9] *Ҳасанов М.* «Кокандская автономия» и некоторые ее уроки // Общественные науки в Узбекистане. 1990. №2. С. 41–52; *Он же.* Альтернатива: из истории кокандской автономии // Звезда Востока. 1990. № 7. С. 105–120; *Дониеров Ш.* Мухторият қисмати // Шарқ юлдузи. 1991. № 12. С. 159–173.

[10] Жадидичилик: ислохот, янгиланиш, мустакиллик в тараккиет учун кураш. Ташкент, 1999; Ўзбекистон тарихи: янги нигох. Жадидлар харакатидан миллий мустакилликка кадар. Ташкент, 1999.

[11] *Зиеева Д.* Туркистон миллий озодлик харакати. Ташкент, 2000.

[12] Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000; Ўзбекистоннинг янги тарихи. Т. 2. Ўзбекистон совет мустамликачилиги даврида. Ташкент, 2000.

[13] *Генис В.* Красная Персия. Большевики в Гиляне, 1920–1921. М., 2000; *Он же.* «С Бухарой надо кончать…»: К истории бутафорских революций. М., 2001; *Он же.* Вице-консул Введенский. Служба в Персии и Бухарском ханстве. 1905–1920. Российская дипломатия в судьбах. М., 2003; *Он же.* Разгром бухарского эмирата в 1920 году // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 39–53; *Он же.* Борьба вокруг реформ в Бухаре в 1917 году // Вопросы истории. 2001. № 11–12. С. 18–37; и др.

[14] *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999; *Гиленсен В.М.* Сотрудничество красной Москвы с Энвер-пашой и Джемаль-пашой // Восток. 1996. № 3. С. 45–63; *Он же.* Туркестанское бюро Коминтерна (осень 1920 — осень 1921 г.) // Восток. 1999. № 1. С. 59–77.

[15] Обращает внимание, однако, фактографическая монография Д.А. Аманжоловой «Казахский автономизм и Россия: история движения Алаш» (М., 1994).

[16] *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, 1998; *Он же.* Society and Politics in Bukhara // Central Asian Survey. 2000. Vol. 19. P. 367–396; *Он же.* Tashkent 1917: Muslim Politics in Revolutionary Turkestan // Slavic Review. 1996. Vol. 55. P. 270–296; *Айзенер Р.* Бухара в 1917 году // Восток. 1994. № 4. С. 131–144; № 5. С. 75–92; *Комацу Х.* Революционная Центральная Азия: портрет Абдурауфа Фитрата. Токио, 1996 (на яп. яз.); *Он же.* The Evolution of Group Identity among Bukharan Intellectuals in 1911–1928 // Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko. 1989. № 47. P. 115–144; *Dudoignon S.A.* Le Question scolaire à Boukara et au Turkestan russe, du «premier renouveau» à la soviétisation (fin du XVIIIe siècle—1937) // Cahiers du monde russe. T. 37. 1996. P. 133–210; *Дюдуаньон С.* Кадимизм: элементы социологии мусульманского традиционализма в татарском мире и в Мавераннахре (конец XVIII — начало XX в.) // Ислам в татарском мире: история и современность. Казань, 1997. С. 57–69.

[17] *Sahadeo J.F.* Creating a Russian Colonial Community: City, Nation, and Empire in Tashkent, 1865–1923. PhD diss. University of Illinois at Urbana-Champaign, 2000; *Cavanaugh C.M.* Backwardness and Biology: Medicine and Power in Russian and Soviet Central Asia, 1868–1934. PhD diss. Columbia University, 2001.

[18] *Buttino M.* «La terra a chi la lavora»: la politica coloniale russa in Turkestan tra la crisi dello Zarismo e le rivoluzioni del 1917 // Russica: Studi e ricerche sulla Russia contemporanea. Milan, 1990; *Он же.* Turkestan 1917, la révolution des russes // Cahiers du monde russe et soviétique. 1991. Vol. 32. P. 61–77; *Он же.* Politics and Social Conflict during a Famine: Turkestan immediately after the Revolution // In a Collapsing Empire: Underdevelopment, Ethnic Conflicts and Nationalisms in the Soviet Union. Milan, 1993; и др.

[19] *Yamauchi M.* The Green Crescent under the Red Star: Enver Pasha in Soviet Russia, 1919–1922. Tokyo, 1991.

[20] В дополнение к вышеупомянутым работам Чокаева и Тогана особый интерес представляют изданные недавно воспоминания жены Чокаева: *Çokayeva M.J.* Mustafa Çokay'ın Hatıraları. Istanbul, 2000.

[21] *Brower D.* Turkestan and the Fate of the Russian Empire. L., 2002.

[22] *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform... P. 72–79.

[23] *Сафаров Г.* Указ. соч. С. 110.

[24] *Buttino M.* Economic Relations between Russia and Turkestan, 1914–18, or How to Start a Famine // Transforming Peasants: Society, State and the Peasantry, 1861–1930. L., 1998. P. 199.

[25] *Sahadeo J.F.* Op. cit. Chapter 5.

[26] *Семенюта В.* Голод в Туркестане в 1917–1920 годах // Человек и политика. 1991. Декабрь. С. 72. См. также о голоде: Туркестан в начале XX века: к истории истоков национальной независимости. Ташкент, 2000. С. 269–284.

[27] *Buttino M.* Study of the Economic Crisis and Depopulation in Turkestan, 1917–1920 // Central Asian Survey. 1990. Vol. 9/4. P. 61–69.

[28] Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГАРУз). Ф. 17. Оп. 1. Д. 34. Л. 41.

[29] Такова в значительной степени позиция и современной узбекской историографии — несмотря на то, что она представляет советский период как колониальный. Вопрос о голоде в Туркестане в начале XX в. рассматривается лишь в контексте продовольственной политики советской власти.

[30] Подробнее о джадидизме см.: *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform...

[31] Туркестанский курьер. 1917. 19 марта.

[32] Нажот. 1917. III. 26; Улуг Туркистон. 1917. IV. 25.

[33] ЦГАРУз. Ф. 1044. Д. 1.

[34] Улуг Туркистон. 1917. IV. 25.

[35] По неизвестным причинам современные узбекские ученые определяют Улама Джамияти как «Шурои Уламо» — термин, который никогда не использовался в 1917 г., и вообще стремятся преуменьшить различия между этой организацией и джадидами.

[36] *Чўкой ўгли М.* Указ. соч. С. 21.

[37] Кенгаш. 1917. VIII. 6.

[38] *Buttino M.* «La terra a chi la lavora»... P. 318–326; *Он же.* Turkestan 1917... P. 72.

[39] Турон. 1917. IX. 21; Улуг Туркистон. 1917. IX. 30.

[40] Государственный архив г. Ташкента (ГАгТ). Ф. 10. Оп. 13. Д. 10. Л. 9–15. Оружие было возвращено через неделю после окончания восстания (*Чўкой ўгли М.* Указ. соч. С. 93).

[41] ГАгТ. Ф. 10. Оп. 13. Д. 2. Л. 184.

[42] Улуг Туркистон. 1917. XI. 18; ал-Изох. 1917. XI. 28.

[43] Цит. по: Туркестан в начале XX века. С. 74.

[44] См: *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии. С. 666–670.

[45] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Сборник документов. Ташкент, 1972. Т. 2. С. 27.

[46] Это правительство стало известным в исторической литературе как «Кокандская автономия». Ныне узбекские ученые, указывая весьма правильно, что правительство выступало от имени всего Туркестана, используют термин «Туркистон мухторияти» («Туркестанская автономия»). Литература по данной теме весьма тенденциозна: советская историография настаивала на том, что провозглашение автономии являлось заурядной авантюрой местной буржуазии, поддержанной «иностранными интервентами», а несоветские ученые видели в этом попытку создания национальной государственности. Подробнее см.: *Аъзамхўжаев С.* Туркистон мухторияти. Миллий-демократик давлатчилги курилиши тажрибаси. Ташкент, 2000; Туркестан в начале XX века. С. 80–112.

[47] Улуг Туркистон. 1917. XII. 8.

[48] Там же. 1917. XII. 10, 16.

[49] Там же. 1917. XII. 8, 10.

[50] Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. С. 38.

[51] *Алексеенков П.* Кокандская автономия. Ташкент, 1927. С. 47–48; Победа Октябрьской революции в Узбекистане. Т. 2. С. 59.

[52] Улуг Туркистон. 1917. XII. 10, 16; ал-Изох. 1917. XII. 25.

[53] ЦГАРУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 5 об.

[54] *Алексеенков П.* Указ. соч. С. 43–44.

[55] Улуг Туркистон. 1918. I. 21.

[56] *Алексеенков П.* Указ. соч. С. 58.

[57] Наша газета. 1918. 26 февраля.

[58] *Buttino M.* Ethnicite et politique dans la guerre civile: à propos du *Basmačestvo* au Fergana // Cahiers du monde russe. 1997. T. 38. C. 195–222.

[59] ЦГАРУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1219. Л. 134.

[60] См.: *Buttino M.* Ethnicité et politique... P. 210–214.

[61] *Buttino M.* Politics and Social Conflict during a Famine... P. 259–263.

[62] См.: *Алексеенков П.* Крестьянское восстание в Фергане. Ташкент, 1927.

[63] ЦГАРУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 87. Л. 1–2.

[64] Труды 3-го съезда Коммунистической партии Туркестанской республики Российской Советской Федерации, 1–15 июня 1919 года. Ташкент, 1919. С. 73, 104.

[65] Подробнее о басмаческом движении см.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 г.). Т. 1. 1922–1923 г. Ч. 1–2. М., 2001; Т. 2. 1924 г. М., 2001; Т. 3. 1925 г. Ч. 1–2. М., 2002; Т. 4. 1926 г. Ч. 1–2. М., 2001; Т. 6. 1928 г. М., 2002. В этой продолжающейся серии публикаций документов — информационных обзоров и сводок ОГПУ, предоставленных Центральным архивом ФСБ РФ, — впервые дана широкая панорама событий, связанных с антисоветскими движениями в Средней Азии 1920-х гг. Кроме того, очень интересный документ того периода — конфиденциальное сообщение ОГПУ под названием «Кишлачная контрреволюция», недавно опубликованный (в немецком переводе) Р. Айзенером: «Kontrrevolution auf dem Lande»: Zur inneren Sicherheitslage in Mittelasien 1929/1930 aus der Sicht der OGPU. Berlin, 2001.

[66] См.: Классический эмигрантский националистический взгляд: *Hayit B.* Basmatschi: Nationaler Kampf Turkestans in den Jahren 1917 bis 1934. Köln, 1992. Точка зрения, основанная на ценном источниковом материале британских архивов, но испытывающая при этом недостаток знания самой Центральной Азии, отражена, к примеру: *Fraser G.* Basmachi // Central Asian Survey. 1987. Vol. 6. № 1. P. 1–73; № 2. P. 7–42.

[67] *Гинзбург С.* Басмачество в Фергане // Очерки революционного движения в Средней Азии. Сборник статей. М., 1926. С. 134.

[68] *Lorenz R.* Economic Bases of the Basmachi Movement in the Ferghana Valley // Muslim Communities Reemerge: Historical Perspectives on Nationality, Politics, and Opposition in the Former Soviet Union and Yugoslavia. Durham, 1994.

[69] См.: *Buttino M.* Ethnicite et politique...

[70] *Чокаев М.* Корни восстании в Бухаре // Последние новости. 1923. 29 сентября.

[71] Новый путь. 1918. 23 января.

[72] ЦГАРУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1. Л. 2, 2 об.

[73] *Сольц И.* К истории КПТ // Три года советской власти. Ташкент, 1920. С. 45.

[74] *Сафаров Г.* Указ. соч. С. 110.

[75] Туркестан в начале XX века. С. 138–139.

[76] *Ибрагимов Ю.* Январские события в Ташкенте // Жизнь национальностей. 1919. 30 марта.

[77] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 39. С. 304.

[78] Наша газета. 1918. 25 сентября. К этому времени в Центр поступили сведения, что местные комиссары извлекают личную выгоду из грабежей мусульман. Позже Кобозев докладывал Ленину, что ташкентско-перовский отряд, «с которым комиссары поочередно ездили на „усмирение", в поход... в начале чисто революционный... очень скоро развратился. Из кокандского и бухарского налетов они вернулись с массой женщин, реквизированных денег, ковров, лошадей и проч. Часть из них они официально сдали казначейству и правительству республики, а значительную часть утаили» (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 4–4 об.

[79] Экономические отношения советской России с будущими союзными республиками, 1917–1922 гг. М., 1996. С. 36.

[80] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1318. Оп. 1. Д. 420. Л. 96.

[81] Труды 3-го съезда... С. 42.

[82] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 420. Л. 92–97.

[83] *Рыскулов Т.Р.* Собр. соч. Т. 1. С. 56.

[84] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 583а. Л. 69.

[85] ЦГАРУз. Ф. 25. Оп. 1. Д. 78. Л. 5–6.

[86] Наша газета. 1918. 12 мая.
[87] *Сталин И.В.* Наши задачи на Востоке // Правда. 1919. 2 марта.
[88] *Фитрат.* Шарк сиесати. Ташкент, 1919. С. 40. Подробнее об этом см.: *Khalid A.* Nationalizing the Revolution in Central Asia: The Transformation of Jadidism, 1917–1920 // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin. N. Y., 2001. P. 145–162.
[89] *Баракатулла.* Маслак-и балшевик ва жумхурият-и Ислом. Ташкент, 1919. В Москве Баракатулла встречался с Лениным, который лично ходатайствовал о переиздании его брошюры. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 50. С. 337, 489).
[90] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 441. Л. 29.
[91] *Рыскулов Т.Р.* Собр. соч. Т. 3. С. 175–175.
[92] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 786. Л. 3.
[93] ГАгТ. Ф. 12. Д. 30.
[94] Государственный архив Самаркандской области (ГАСО). Ф. 89. Д. 1. Л. 128.
[95] ЦГАРУз. Ф. 36. Оп. 1. Д. 12. Л. 38, 182–182 об; ГАгТ. Ф. 12. Д. 12. Л. 14, 21–25.
[96] ГАгТ. Ф. 12. Д. 6. Л. 122, 146, 177, 216, 217; Д. 17. Л. 17; ГАСО. Ф. 89. Д. 1. Л. 141.
[97] Труды 3-го съезда... С. 109.
[98] РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 47. Л. 7.
[99] Иштирокиюн. 1919. VIII. 10.
[100] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 94. Д. 587. Л. 155.
[101] Иштирокиюн. 1919. XI. 12.
[102] РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 29. Л. 14.
[103] Иштирокиюн. 1919. XII. 24.
[104] Там же. 1920. I. 4.
[105] Там же. 1920. II. 17, 27; III. 3.
[106] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 582. Л. 152.
[107] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 16–17 об., 24.
[108] ГАРФ. Ф. 130. Оп. 4. Д. 786. Л. 3–3 об., 4.
[109] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 80–81; Ф. 122. Оп. 1. Д. 44. Л. 21 об.
[110] Цит. по: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» ... С. 27, 21.
[111] ГАРФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1187. Л. 48–49.
[112] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 81; Оп. 2. Д. 323. Л. 1.
[113] *Генис В.Л.* Депортация русских из Туркестана в 1921 году («Дело Сафарова») // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 44–58.
[114] ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 581. Л. 30–32, 51; Оп. 94. Д. 587. Л. 30.
[115] РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2920. Л. 6 об.
[116] ЦГАРУз. Ф. 17. Оп. 1. Д. 169. Л. 13–14.
[117] Иштирокиюн. 1920. I. 10.
[118] *Генис В.Л.* «Бутафорская революция», или Российское полпредство в Хиве в 1920 году // Восток. 2000. № 2. С. 5–26.

СОЦИАЛЬНЫЙ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОРЫ В ОБРАЗОВАНИИ КИРГИЗСКОЙ ССР И МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

И.Ю. Морозова
(Нидерланды)

Многочисленные ханства, возникавшие на территории Центральной Азии с XV в., являлись наследниками политических традиций Монгольской империи и Орды. В то время как оседлое население в оазисах и долинах Зеравшана, Бухары, Ферганы, Семиречья и пр. веками сохраняло свой образ жизни, социальный уклад и родоплеменную идентичность, внешний протекторат в лице армии-государства часто менялся. Как пишет Б. Манз, формальное разделение высшей государственной власти (двора и армии), принадлежавшей, как правило, народам — кочевникам по происхождению, и гражданской городской администрации, рекрутируемой из оседлого населения, просуществовало вплоть до русского проникновения в XIX в.[1]

Развивая тезис Манз, можно предположить, что и русская администрация воспринималась большинством населения Центральной Азии[2] в рамках традиционной системы: внешний контроль — местные порядки. Этот принцип был заложен и в устройство Российской империи и ее политики на бескрайних пространствах Сибири. Пока действовал принцип местного самоуправления Сперанского, обеспечивающий достаточно компромиссное взаимодействие вертикальных (русских) и горизонтальных (местных) властей, Российская империя функционировала и расширялась, и национальный вопрос не стоял столь остро. С отменой данной системы и началом столыпинских реформ, а также других процессов, происходивших в России и в мире, ситуация принципиально изменилась. Как только внешняя власть начала вмешиваться в местное самоуправление — распределение земли (тем паче в пользу переселявшихся русских), судебные дела, администрацию водоснабжения и, тем более, рекрутировать на европейский фронт население Средней Азии, противостояние было сложно предотвратить. В противовес идеологии русского самодержавия, поддерживаемой Николаем II, оно приобретало этнический/национальный характер. При этом жертвами политики Петербурга становились как местные народы, привыкшие к определенно-

Морозова Ирина Юрьевна — кандидат исторических наук, Международный институт изучения Азии.